

Николай Косых

Царские колокола

Русская поэзия

Межрегиональный благотворительный общественный
фонд «Глас ангельский Руси»

Москва
2020

Новое слово в «Царской» поэзии

В современной литературе XXI века Царская тема разрабатывается широким кругом поэтов-патриотов. Их стихи разные по своим достоинствам. Но, к сожалению, большинство из них имеют существенный недостаток – однообразие. Как правило, это скорбь об убиенном Царе Николае II и описание тех страшных последствий, какие выпали на долю русского народа в результате предательства Помазанника Божьего. Всё это мы знаем уже давно. Только, ведь, нельзя же постоянно говорить о той духовной ущербности, в которой сейчас пребывает значительная часть россиян. Нужно нести людям надежду на победу и освобождение Русского духа. Именно эта надежда и делает Николая Косых царским поэтом.

В книге «Царские колокола» не просто выведена идея Православной Монархии, но показаны носители этой идеи – русские люди: равнодушные ко всему, что происходит вокруг них, любящие свою Родину, чающие грядущее Православное Царство. Таких людей в России еще много. В их душах на генном уровне жива потребность в Помазаннике Божьем, доставшаяся им от благочестивых предков. Эти люди и есть Народ в чистом виде. Они – золотой самородок, сокрытый в глубине нынешнего народонаселения, они и являются соборной душой нации, её исторической плотью. И ради них Господь помилует Россию, и осенит её благодатной Царской Порфирой. Поэтому с уверенностью можно сказать, что книга Николая Косых – это гимн великому русскому Народу, Народу-Богоносцу. Вера в Бога и в Православную монархию – высшие проявления духовности русского человека, на которых стояла и будет стоять наша великая держава.

**Платонов О. А., писатель, философ,
директор «Института русской цивилизации»**

*Царь живёт
в соборной душе народа*

*Вера – это усталость надежды,
молитвенно ведущая в лоно
смирения царской любви.*

Николай Косых

Начало

Всё начинается с нуля:
Любовь, семья, квартира, дача.
Всё начинается с нуля:
Обман, скандалы, неудачи.
Всё начинается любя,
И пара строчек в довершение.
Всё начинается с тебя:
И жизнь и вера и... смирение.
В нём городская суета,
Что Царской нежностью богата;
Народной памятью чиста,
Как подвиг русского солдата.

Цена терпения

По Царской милости живём,
По Царской милости бомжуем.
Века, как пуговицы, рвём
И Царской памятью врачуем
Свои безумные грехи,
Свои греховные порывы,
Ворвавшись в веру от сохи,
Вобрав безбожные нарывы
В тот обжигающий огонь,
Что дарит нам Господь в прощенье,
Оберегая нашу голь
В едином вздохе очищенья.
А что же Царь? Его и ждём.
Придёт, придёт минута веры!
Мы ждём его, пока мы врём,
Ведь врём, пока сей путь неведом.
Но люди ждут Царёв приход, —
Терпеньем славится Россия.
Он возродит бессмертный род,
И возвратит надежду сила.
А силой Русь всегда крепка,
Путём, что верою бессмертен.
Горим желанием, пока
России путь ещё инертен.
Но это только лишь пока,
Пока нет Божьего прощенья,

Ведь Царской милости река
Вздохнёт молитвой очищенья
И растворится верой в боль,
И потечёт крещеньем в благодать,
И встрепенётся Русский Бог,
И окунётся Царством в радость.

Царский поэт

А в памяти всё просто, все живые.
А в памяти гнездится непокой.
А годы наших прадедов лихие
Несутся в песню Царскою строкой.
И в этой песне жизнь и мост Кузнецкий.
И Славка по нему идёт пешком,
Как по России строим полк Стрелецкий,
Несёт тревогу в шаге вековом.
Несёт по жизни горечь человека,
Что пропитала всю его судьбу,
Как деревенский непоседа-лекарь,
Что лечит от болезней голытьбу,
И кормится от их собачьей жизни,
Но той собачьей жизнью дорожит.
И молится, пока страданья живы,
Пока любовь волнует грешный быт,
Пока крепка на белом свете правда,
Пока несёт страданья Божий люд,
Пока молитва – горькая награда,
Которую, как милость, подают
В твою ладонь. Такая вот забота:
Лечить людей от хвори самому.
А как уж плюнуть, грешному, охота
На всё, на всё, на всё... Да ни к чему
Разбрызгивать в сердцах страдальцу слюни.
Пускай скрутила жизнь в бараний рог,

К детдомовцу идут навстречу люди.
Идут, как к ним самим приходит Бог.
И пусть до дна обыкновенный лекарь
Познает в жизни Царский непокой.
Да будь ты хоть кузнец, шахтёр иль пекарь,
Коль выпало лечить людей строкой,
Иди по вере светлою дорогой,
Той славой, что тревожит жизнь Руси,
Такой родной, и близкой и далекой...
Но для себя той славы не проси.

Дорога любви

Дорогою столичною идёт
В людском потоке Царское желанье,
И добротой российской цветёт,
Бросая вдох в дымок воспоминанья
Обычной замороченной семьи,
Гуляющей по Сретенским просторам,
В скандалах исчерпавшей свой лимит
Той теплоты, дышащей до раздора.
Той доброты, что нам дарует свет,
А злость черпает ложками до срока,
В эмоции врываясь, как в балет,
Врывается вселенская тревога.
А каяться живущим недосуг,
Пока в скандалах ищут примиренье,
И ждёт любовь касанья детских рук,
Как ждёт блудница радость очищенья
В церквушке, обжигающей нутро
Нескладной, растрепавшейся молитвой.
Когда и для грехов приходит срок,
Смахни с плеча душевную сонливость,
Как Сретенка людскую наготу
Смахнёт в обоз семейных отношений
И усмирит душевный колотун
Под зной обид дежурных извинений,

Чтобы текла от имени Христа
Молитвами российская дорога.
Но без Царя любовь её пуста,
Как вера Православная без Бога.

Глаза света

На Сухаревской площади тепло,
Голубизной тепло, тепло и сердцем.
И взгляды трут небесное стекло,
Как лица трут махровым полотенцем.
Как трут Россию Царские глаза
Столетним терпеливым ожиданьем,
И возвращают жизнь людей к азам –
К церковной вере Божьим назиданьем:
Любовь к земле беречь, как «Отче наш»,
Как хрупкость тишины влюбленным пылом,
Как бережёт пустыня свой мираж,
В сердца врываясь солнцем, а не силой.
Мираж исчезнет, да прибудет Свет,
Молитвою согреет боль и душу...
И пусть Вадим Крутой годами сед,
Но старость тянет, как рыбак горбушу,
В кровавые деньки сороковых,
Под Прохоровку, в жерло мясорубки,
Где не жалел кудрявой головы,
Где, раненый, за жизнь боролся сутки.
Но это – там, а площадь – вот она!
По Сухаревски в голубой купели
Разнежилась, хоть тенью холодна,
Зато есть шанс прогреться на неделе.

И Божий день лучами нарезать,
Как нарезают годы от рожденья,
Врываясь светом в русские глаза,
Всею синевою Царского терпенья.

Ворота в жизнь

Никитские ворота ждут людей,
И впустят всех — от мала до велика.
И Царский ключ положит, как трофей,
В карман любви московский горемыка,
Познавший и падения, и взлёт,
Вскормленный нищетою и богатством,
Ушедший в революцию, вперёд,
В советское неведомое «царство».
А «царство» это таяло, что дым,
Военными кровавыми шагами.
В нём раненый боец просил воды
Тугими пересохшими губами.
А внук его вошёл в Покровский мир,
В российские церковные ворота,
В московский колокольный эликсир,
Как в отчий дом советская пехота,
Крещёная морозом под Москвой,
Дугою Курской, ветром Сталинграда,
Безусою армейской сединой
И радостью Победного парада.
И горечью, что внуку довелось
Сжимать, как тот песок кровавой битвы.
И пусть солдат вгоняет пулю в злость,
Но в храм идёт в объятия молитвы,

Чтоб перед Богом выложить свой грех...
Такая, вот, в смирение заковыка:
Ведь Царская любовь – она для всех,
Для всех людей, от мала до велика.

Рублёвая пауза

А мысли Царские в душе, как семена,
Рассыпаны в народную усталость.
В ней городская жизнь по-прежнему бедна,
Пока рублём российским пропиталась.
Хотя отсутствие его сулит скандал
И рвёт земные нервы до предела.
Петрович к ним бесовской страсти не питал,
Махнул «сто грамм» в сердцах – и потеплело.
Душа рванулась в пекло уличной Москвы.
Да что там пекло! Море по колено.
Хотя от этой «горечи» давно отвык.
Зато навстречу ветру бросил тело,
Чтобы не думать, болью не страдать, идти,
Да просто прогуляться по-московски.
Чтоб червячок рублёвый приутих,
Схватить любовь берёз, как детство соску.
Схватить за хвост семейный пасмурный бюджет.
Но в нервах страха не найти спасенья,
Тем более, грызть совесть буден, как драже,
Спуская злость на тормозах терпенья.
«Гляди, часовенка! А что же, и зайду,
Зайду как есть в церковные пенаты.
Пусть по грехам скольжу безбожно,
как по льду,
В молитве ослабеют их раскаты».

И внукам о его, Петровиче, судьбе
Расскажут, как рассказывают сказки...
А думы, что пыльца, рассеявшись в толпе,
Нет-нет, да и вернутся к мыслям Царским.

Покрова Пресвятой Богородицы

Пуля вороном кружит...
Знать, село без мужика.
Доля Царская дрожит
От чужого сапога.
Ну, да, горю не впервой
Хлеб сиротский преломить
С безутешною вдовой.
Даже, если свет не мил,
Даже, если бабий год
Зарастает лебедой.
А супруга всё же ждёт:
Вдруг воротится домой,
Чтоб обнять свою жену,
Во дворе колоть дрова,
И проклятую войну
Позабыть на Покрова.
Богородицу молить
О спасении души
Так, чтоб в небе птичий клин
Рёв белужий заглушил,
Подхватил в груди тоску
И развеял по полям,
Чтобы совести лоскут
Не сорвался в птичий пляс,
В грешной кровушке людской
По ночам не голосил —

Ветром прыгнул с головой
В родники Святой Руси.
И судачит Царский год
О войне на Покрова.
В церковь по лесу идёт
Безутешная вдова.
Бабью долю лебеда
По сусекам наскребла.
А без милого куда?
Ни дороги, ни села...

Дворики страны

По Царским старым дворикам
В дома приходят сны,
И в материнских окриках
Пекутся как блины,
Теряясь в детских шалостях
Во взрослой суете,
И скрашенные старостью,
И в проводах гостей.
А Вовкину задумчивость
Штормит небесный свод,
Вгрызаясь градом в скученность
Молчанья, как развод,
Вгрызается в его семью
Скандальной нищетой.
А он – за школьную скамью,
В учебу с головой.
Да до темна в футбол гонять,
С больною-то ногой,
Пока разгневанная мать
Не позовёт домой.
Отец не «всыпет» сгоряча,
А мать не наорёт,
И перестанут замечать
В углу несчастный рёв.
Скандал взорвался и затих.
Пусть Вовке нелегко,

Простит родителей своих –
Семейный их раскол.
Конфликт упреками грешит,
Родители не спят.
Но ради Вовкиной души
Мир в доме сохранят.
И хоть скандальная гроза
Любовь к разводу гнёт,
Но утро в спящие глаза
Лучом надежд скользнёт.
И разбредутся дворники
В их городские сны
По Царским старым дворикам,
По дворикам страны.

В сегодня, как в любовь

Взбирается любовь по городским ступеням,
Как Царское дыханье в сгусток жизни,
И дарит это чувство новым поколениям,
Растаяв в звёздной ангельской дружине.
И, насыщаясь светом в сказочном мерцанье,
В тепле сердец купаясь Божьей верой,
Разнежится лучом в молитвенном дыханье,
Украшив райский шелест лентой белой,
Развевая в пыль-труху желание Алёны:
Забывать надежду в тягости разлуки.
И долгий взгляд, что в храме трогает иконы,
Взял девичьи сомненья на поруки,
Умерив вспылчивость в солёном ожиданье,
В распахнутую веру рвался телом.
Улыбкой согревал столь юное желанье,
Сомнения свои отбросить смело,
Поверив просто, что любовь даётся свыше.
И к чувствам сделал шаг, и к ощущенью,
Чтоб нервность нетерпенья становилась тише,
И устремилась нежностью к прощенью.
И в нём, вдыхая ветер парусом девичьим,
Взлетела на волну духовной неги,
Молитвой поплыла в дыхании столичном,
Как блеск алмазный в раскаленном снеге...

По небу разбросав звезд голубые звенья,
Вселенская любовь скользит по сходням,
По Царским сходням века к городским ступеням,
И снова вверх – пролётали в сегодня.

Петровский переулок

Петровский переулок, что огонь,
Хранит в себе всё светлое и злое,
И, вырывая взгляды из окон,
Бросает в будни, как в кино немое.
Но стоит только форточку отрыть,
И звуки сотрясают жизнь Артёма,
Чтобы вчерашний сонный перерыв
Лучами солнца обожгла истома
Небесной благодатной широты,
Что так тревожить взгляд всего живого.
Вот и Артём, немного поостыв,
Ворвался в мир Божественного слова,
К той городской спешащей суете,
Что по утру томится в опозданиях,
В той транспортной варёной тесноте,
Спрессованной в тревогах и желаньях.
Друг к другу жмутся честность и грехи,
Измена и любовь, и ложь, и правда.
Одеколон здесь дышит на духи,
Да раздраженье злему слову радо.
Артём в проблемы эти не спешил,
Возможно сберегая чьи-то нервы.
Скучал в потоке судебных и машин,
Чтоб в суету их не сорваться первым.
Вдруг, зацепившись вечностью за смысл
Всего живого в этой круговерти,

Над переулком Божьей птицей взмыл
И радовался солнышку, как дети.
И пусть грехи поступками черны,
Ему здесь всё так близко, так знакомо.
И бережно на лавочке страны,
Души коснулась Царская истома.

Небесная страда

На трубах отопленья женская усталость
Бомжует в Царском сне, бомжует нищета,
И сонное лицо рукой прикрыла вялость,
Как прикрывает поступь пьяную этаж.
Бездомные слова жгут городское сердце,
По площадям идут столетьем во дворы,
Где, спрятавшись в грехах, стареет
чье-то тельце,
Немытая душа, нечёсанный нарыв.
Узнать его легко. Но кто же спросит имя?
Кому нужна та грязь, что совестью знобит,
Что матом правоты так сладостно гонима?
Да, человек не зверь, но зверский долей сыт.
Надежды никакой, да городскую лямку
Он тянет, как бурлак, он тянет вопреки.
И жизнь свою в сердцах он прячет, как буханку,
За пазухой обид, сжав чувства кулаки.
Кто прав, кто виноват – брезгливость
не ответит.
Но вот бомжует «голь», одетая в тряпье.
Без Царской-то любви на этом Божьем свете
Бездомным предстоит нелёгкое житьё.
Ох, нелегко глотать той женщине издёвку,
Лицо своё прикрыв дрожащею рукой,
Укутав тельце в плащ, как малыша в пеленку.
И не уйти от слов сочувственных в запой.

Её боль голодна, и сон смиреньем вяжет
Всё унижение чувств — от веры до стыда,
Пока хранит её молитвенную тяжесть
На трубах нищеты небесная страда.

Под Божьей опекой

Тревожат город голоса,
Тревожат чувством человека,
Роняют жизнь по полюсам,
Как веру Божия опека.
Роняют в холод и в жару,
Роняют в снежные заносы.
По Царским весям на ветру
Разносят дождевые косы.
Разносят любящий порыв,
Предательство и человечность,
И, в вечность делая прорыв,
Душой заглядывают в вечность.
Так заглянул в неё Андрей,
Дожив страдальцем до развода
В объятиях уличных теней,
Что тлеют в памяти народа
Страданьем сердца и души
В том одиноком нетерпенье,
Что жизнь меняет на гроши
Скандальных будней примиренья.
Но разве вечен этот путь,
Когда в мозгах клокочет ветер,
Когда от злости, как от пуль,
Влюбленный взгляд то нем, то светел,
То растекается во лжи,
То ждет с упрёком пониманья,

То как осенний лист дрожит
В грехах скандального вниманья?
Дрожит свечой, дрожит как грех,
Трепещет вспышкой говорливой,
И шанс дает огонь для всех —
Семейный быт согреть молитвой.
И боль, что он берёт с собой,
Хранит небесная опека,
Чтоб шла российская любовь
По Царским перепутьям века.

Маки Ладоги

Как в поле маки красные
Под ветром зацвели,
Так Ладога гримасами
В плену замёрзших лиц
Цветёт военной славою
В шофёрской чехарде
Дорогою кровавую,
Дорогою надежд.
Глаза Кузьмы слипаются –
Огнём по горло сыт.
А «мессер» задыхается,
Горит чума, горит!
Подбили всё же лешего!
Да напросился сам.
Мать не дождётся грешного,
Коль дали «по шарам».
«К тебе не будет жалости.
Я на таких плюю!»
И тут с какой-то радости
Скользнула в полынью
Машина. «Ах ты, мать твою!»
Кузьму рвануло в пот.
Скрутило мышцы: «Всё, каюк!
И ласточкой под лёд.
И нет Кузьмы». Но Марфа есть.
Снег пятнами зарос.

Здесь этих точек целый лес
Сковал в снегу мороз.
А Марфа матом – ох-ох-ох!
Молитвой по душе.
«Ты что, Антон, поди, оглох?»
Поехали уже.
Да объезжай же, объезжай.
Они теперь мертвы».
Смерть собирает урожай, –
Шофёр к смертям привык.
А кровь под зимней маскою
От пятки до виска
Течёт отвагой красною
По снежным облакам.
Но дышит память маками,
И жизнью колосит,
Как Царский ветер Ладоги
Сердца Святой Руси.

Дыхание России

Коль городская жизнь трудна
И слову Царскому не внемлет ,
Она поэзией бедна,
Застряв скобой в рублёвом теле.
Застряв по-нищенски в толпе,
Застряв войной в народной гуще.
Но для России Божий перст –
Призыв к тому, чтоб верить пуще...
Среди икон дышать легко
Василию, хоть и непросто
Найти Божественный покой,
Склонив седую боль всем ростом
В грехи молитвенной души
Перед раскаяньем щемящим
За пенсионные гроши,
Что не отложишь в долгий ящик.
Он пуст, как в горе пуст карман,
Как жизнь пуста от пьяной неги,
Бросая ненависть в обман,
В маразм душевного калеки –
В ту равнодушную толпу,
Что так свежа по-городскому,
Что рвёт усталость в прах и пух.
Безбожной щедростью оскомы,
Рублём набившей на зубах
Словесную непогрешимость,

Рождая ненависть в умах
И призывая Божью милость.
Но разве вытащишь скобу
Обидной памяти из нервов?
И рвутся ноги наобум,
Таща усталость, словно невод,
В ту жизнь, что в звёздной тишине
Ложится думами на плечи,
И в глубине глазных огней
Горит теплом, как в храме свечи.
И к небу взор подняв, как щит,
Колени приклонил Василий,
Коль Царской нежностью щемит
Любовь – дыхание России.

Полёт в грядущее

Россия в Царском облаченье
По городам, по деревням
Штормит завьюженным смятеньем,
Плодя сугробные коренья,
Народ от гнилости храня.
И гнёт морозное дыханье,
В грехах пропитанное солью,
Людские души к покаянью,
Вплетая в судьбы Божью волю.
А разогнуться человеку –
Порой понадобятся годы,
Ну, как впрягаться в ипотеку,
Иль счастья ждать, как мир народы.
Чтобы на склоне лет однажды
Вглядеться в Царственные звёзды.
И хоть вдохнёт их свет не каждый,
Но даст душе сердечный роздых,
Полёт разбуженной свободы
На краткий миг в созвездье века,
Чтоб у планеты принять роды
В грехах вселенского разбега.
И в нём от Царского желанья
По городам, по деревням
Идти под Божеским дыханьем
Уже к последним временам.

Ордынка

Торопит любовь по Ордынке
Судьбу, как шахтёра в забой.
И прячет в душевной травинке
Расстрельную Царскую боль.
И вслед за ночью накидкой,
Протоптанных совестью вёрст,
Мерцают небесной открыткой
Жемчужные россыпи звёзд.
Мерцают желаньем Ивана
Исправить разгульную жизнь.
И пальцы по кнопкам баяна
Мелькнут, как в глазах этажи.
Завьюжит московской метелью
В советских чертогах войны,
Чтоб хлопнул молитвенной дверью
Безусый рассвет тишины.
Чтоб пеплом стучалась травинка
В разбуженный солнечный луч.
Чтоб холмик покрыла косынка
Дождёвых ноябрьских туч.
Чтоб слёзная боль похоронок
Забылась в салютном огне,
Тревожа всю память с пелёнок
В Божественном солнечном дне.

Чтоб время со старой открытки,
Согретое Царской душой,
Шагало по Малой Ордынке...
А завтра, глядишь, по Большой.

Окна судеб

К свечам причалила усталость.
Любовь молилась всем святым.
В крови столетия купалась,
Престолом сгинув, словно дым.
И зажигались лампы в окнах,
И сквозь страданья лился свет.
Тускнели звёзды на погонах
В мужской кровище бабьих бед.
Война! Да только не для Юрки.
Не умирал в сороковых.
Шутя, заглядывал под юбки
И в блиндаже от ран не выл.
Зато сидел, потом скитался,
Да в вере душу причащал,
И у окна к созвездьям рвался,
Хоть путь слепца бездомно мал.
Ах, эти окна, окна судеб!
Оберегают боль нутром.
Пусть век людской донельзя скуден –
В любви питается добром.
А Юрка на лицо смиренья
Грехи намазывал, как крем,
И в храме черпал утешенья.
Всем нужен Бог. Бог нужен всем!

А чтобы совесть не скучала,
Звенит в сердцах церковный звон,
И жмутся к Царскому причалу
Глазные россыпи окон.

Александровский сад

Посвящается хранителю русского слова
О.А. Платонову

Дышит пламенем победы память Вечного
огня.

В нём алеет и Отеческое слово.

И надета на столетья эта Царская броня

В книжных россыпях Божественного крова.

Для Руси – леса и степи, а для русича – простор

От молитвенной души до славы предков.

И течёт гостеприимство русской удалью
на стол

Да под вечный спор, то ревностно, то едко,

С широко согретой верой, незатейливым
словцом

Под напевную любовь, что дарят гусли.

И слезою обжигает раскалённое лицо,

То в восторг бросая, словно хмель,

то в смех до грусти.

Пой же, Русь, молись, Россия, представляй
любовь векам,

Перезвоном колокольным вейся к небу.

И пусть будет твоя щедрость светлой нежностью
легка

Под душистый запах солнечного хлеба.

Под огнём военной славы береги любовь

к земле,
И врывайся в фильмы памяти геройски,
Чтобы в городе осеннем и в заснеженном селе
Потянулись к свету Истины подростки.
Ведь Отеческое слово в книжных
россыпях души,
Славу русскую в веках переплетая,
Открывает Русь Святую в тайниках
людской глуши,
И людская глушь становится святая.
Вейся в память поколений, черно-белое кино,
И под мирный шаг победного парада
Строй держи в погонах Царских, опалённая
войной
Безмятежность Александровского сада.

Русская вера

У Русской веры есть свой дом,
В котором Царское дыханье
Нательным Божеским крестом
К груди прильнуло в ожиданье,
Как к чувствам горький поцелуй,
Скользнув в народные ладони.
И сколь на горе не гарцуй,
Но Русь – в молитвенном поклоне,
Как старый двор, что нежит слух
В полночной дрёме Еремея.
Хоть блеск любви в глазах потух,
Надежда теплиться в них смеет:
Что переселят в новый дом,
Что наконец-то переселят
Из коммуналки. А нутром, –
Она приют до новоселья.
Ведь в ней вся молодость прошла
Той коммунальною занозой,
Что зло тянула удила,
Срываясь в мат скандальной позой.
Всё это так, но во грехе
Стремится Царское желанье
(Под шашлычок да при ухе)
Смирить свое негодование.

И зло в молитвенность тянуть,
Как бурлаки с тем волжским рвеньем,
Что, нищетой срывая грудь,
Врачуют молодость смиреньем.

Слеза веков

Посвящается моему другу
и собрату по перу И.Гревцеву

Великая история Руси
На книжных полках спит надеждой Царской,
Как город, что под тучами осип,
Как русский дух под «совестью» боярской.
Да только песня верностью крепка
Своей Первопрестольной Божьей вере:
Любовь к земле срывает, как с цветка
Пыльцу тепла срывает вольный ветер.
И рвётся в душу Игоря припев
То городской слезой, то деревенской.
В ней уличный накал и ширь степей,
И дух мужской, согретый силой женской.
В её веках – рождение планет,
В её пылице – вся терпкость мироздания.
Её дыханье проливает свет
На вечный трепет первого свиданья,
На первый детский крик, что рвётся в мир,
Сорвав любовь отца с мужского сердца
И распылив в созвездия квартир
Простор полей в ненастном заусенце,
Чтоб время вдруг смахнуло в дождь грозу,
Как пыльную завесу с книжных полок.
И хоть на жизнь усталость точит зуб,
Молитвой утолит душевный голод.

И будут песни звёздами мерцать,
Что взглядами века наколесили,
Чтоб шла в народ от Царского крыльца
Великая история России.

Проспект художника

Посвящается художнику
Деткову Н.А.

Коснулись полотна мазки дневного света.
Проснулся мир теней и врезался в глаза,
И Царский лик ожил в гармонии сюжета.
Художник обомлел, почувствовав азарт.
Весь сжался и притих. Вновь полотна коснулась
Кровящая душа, и заскользила боль
Надрывной тишиной под обжиганье утра,
И захлебнулся век, нырнув в сердечный сбой.
Художник застонал, прикрыл глаза устало,
Забылся в полынье кровавого тепла
Расстрелянных сердец в тугих щелчках металла,
И смерть сердечный визг столетьем обожгла.
Но через этот страх лик проступал терпением,
В чертах томилась скорбь и Божья благодать
Мазки врывались в жизнь, как в жилы
вдохновение,
Как буквенный азарт врывается в тетрадь.
Окончен труд души, поэзия печали
Молитвой оживила Царские глаза,
И вечный Божий свет зажжёт сердца свечами,
Как зажигает свет небесная роса.
Мазки – всего лишь мысль в народном хоре
судеб,
Но в этой суете сокрыта доброта.

И кто свои грехи в столетиях осудит,
Пока горчит народ святая нищета?
Но стоило Руси сменить расцветку спектра
В духовность окунув финансовый улов,
Из буден полотна российского проспекта
Легла на грешный пепел Царская любовь.
И растворила боль в мазках дневного света,
Надеждой обожгла российский чёрных хлеб,
И приложила боль с художником сюжета
В народной полынье молящихся судеб.

Осень греха

Мир как мир, народом дышит.
Дышит славой и грехом,
И срывает зло одышкой,
Пулю пестуя стихом.
Если лопнуло терпенье,
Если жизнь летит в трубу,
Если Божие творенье
Вдруг решается на бунт,
Дом Российский больно грозен,
Но терпением согрет.
И летит молитвой в осень
Листопадный Царский свет.

Божий крест

Война плодит кровавые разливы,
И рвётся плач сиротский до небес.
А русский человек сквозь шёлк молитвы
Несёт в века российский Божий крест.
От Царских лет в наследство нам досталось
Надеть погоны Матушки Руси,
В несовершенстве черпая усталость,
Идти к смиренью, набираясь сил.

Лицом к небу

В неброской красоте российский звон
Разбудит веру в памяти народной
И призовёт греховность на поклон,
Согрев планету милостью Господней,
Коль для Руси намечен Божий путь,
Молитвенно дыша под небом синим,
Лицо столетий к Небу повернуть,
Как душу повернуть лицом к России.

Тишина вечности

Щемит душа, но светел дух народа.
И ждёт Первопрестольная свой час,
Как ждёт небесный луч сама природа,
Врачуя жизнь, как грешный взгляд свеча.
Россия вспашет верой Божью Ниву,
По-царски будет чувства пеленать,
И Русь прочтёт вселенскую молитву,
Чтоб вечность согревала тишина,
Хоть ненависть войны течёт в зловонье
И топчет жизнь её кровавый шаг.
А вот России жить в церковном звоне
И верить в то, что чувствует душа.
Она богата щедростью раздольной,
Впитав крещальным миром Божий свет.
И ждёт Царя в Первопрестольной,
Как может ждать лишь русский человек.

Колокола Царской памяти

Рассвет забылся в ожиданье,
Дыша войною натошак,
И смерть не ищет оправданья,
Привыкнув горе навещать;
Привыкнув быть вдовой бездомной,
Трясти сиротской сединой,
Варится в совести бездонной,
Струясь небесной синевой;
Чтоб Русь звездой путеводной
К Престолу судьбы повела
И в храмах памяти народной
Вдохнула жизнь в колокола.

Поэзия русского слова

Дыхание святости – вера сердец,
Любовью венчает российские души.
И молится совестью русский певец,
Оставив сомненья в чертогах отдушин
Греховного пекла. Он в жизни – творец
Грядущего века. Такая работа.
Ведь он же в смирение и пахарь, и жнец,
И словом остёр в самой гуще народа.
Поэзия вяжет, как Царский Престол,
Как ночь – силуэт, как надежду – палитра;
Как вяжет в сердцах белоснежный простор
Согретая совестью Божья молитва.

Престол русской души

А человек есть человек.
Когда приходит час молиться,
Душой пред Богом чист как снег,
Как родниковая водица.
И светел взором его стыд,
Ведь только здесь, среди народа,
Благим раскаяньем омыт
Свинец душевной непогоды.
На свете тысяча тревог.
Одной из них Илья умылся.
Он свою боль разжать не смог
И горько шепотом молился.
От ветра вздрогнула слеза,
Рванулась в память, словно голубь,
Чтоб путь небесный указать
Российской совести к Престолу.

Браслет веры

Вскипает кровь, и стынут жилы,
И души подлостью полны.
И те, кто мёртв, и те, кто живы,
Палёной водкою пьяны, —
Братоубийственной палёнкой,
В которой души гибнут зря.
Но в русском сердце стрункой тонкой,
Звенит молитва за Царя.
За всех, кто крестится в неволе,
За всех, кто верой дорожит,
За всё тепло, что дарит поле
И хрупким колосом дрожит.
В снегах кровавого раскола,
Сквозь нищету рублёвых лет
Браслет российского Престола
На руку русскую надет.

Христовый дух

От гнойной пахоты до крова
Ведёт безбожная тропа.
Ревёт не доеной коровой
Народ, солёный до пупа.
И в том мычанье скотской жизни
Бедой обугленной застыл,
Как на ветвях морозный иней,
Крапленой совести костыль.
А горечи – на всю планету!
Знать, без неё уже никак.
Живое тянется к рассвету,
А тени горя на закат.
Животный страх военных кухонь
Торгует кровью на разлив.
Но Русь крепка Христовым духом
В Царёвой истине молитв.

Глубинка души

Людские могилы копает война.
Глаза застревают в кровавом столетье,
И дышит слезами его пелена,
И стонет планета, а с ней Божьи дети.
О Боже, да сколько же нам убивать,
Хранить в тех могилах невинные души?
А тут до России рукою подать.
Прислушайтесь к ней, да прочистите уши.
Вы слышите, как васильками поют
Поля золотого пшеничного хлеба,
Как рвётся звонарь в колокольный салют,
Руками любви зацепившись за небо,
Чтоб память, смахнув с глаз кровавый налёт,
Прошла не спеша по Тверской, по Неглинке,
И город, что в святость душой прорастёт,
Вдохнул Благодать, аж, до Царской глубинки?

Молитва памяти

А кони рвутся вскачь, как души рвутся в боль.
Но где же, где границы совести и мести?
А ветры памяти грехами примут бой
За вечный холод вдов, за терпкий привкус чести.
Бросает голод клич фальцетом на надрыв
В крошечный ад огня, коверкая столетье,
Неся безумию кровавые дары,
В убийствах празднуя мужское лихолетье.
Да только с ветрами приходит мир тепла,
Под солнцем Истины рождаются молитвы
Вокруг святых сердец Небесного стола,
Где в кубки правда, дружба и любовь разлиты.
Россия сделает святым смиренный взмах
И перекрестит мир, хоть он порою душен.
А доля Царская, забытая в грехах,
Ещё рванётся вскачь по омертвелым душам.

Краски жизни

Кровь белых, красных – это боль народа.
За что лилась слезами матерей?
За что ж Святой Руси такая мода
В одеждах обезумивших смертей?
Смерть смерти рознь: то смотрит в честь,
то в подлость.
В ней ценность жизни сводится «на нет».
И горевать о мире было поздно,
Коль мир рванулся кровью в Божий свет.
Коль белый цвет валил стеной на красный,
Коль жизнь рвала из жизни скотский рёв.
Но был ли рёв столетия напрасным
В междоусобной лютости сынов?
Как жмутся судьбы к мирному причалу!
Дышать войною – Боже упаси.
Ведь Царский дух берет своё начало
В прозрачных родниках Святой Руси.

Две улицы

Малая Тульская связана жизнью с Большой,
Как Церковь русская связана с жизнью народа,
Как её мудрость с добытой в грехах сединой,
Как Русь Великая с корнем российского рода.
С корнем могучим, что нам даровала земля,
С корнем нетленным и дышащим силой
молитвы,
Удалью русской рванувшейся памятью в пляс
Всем вдохновением Царской Божественной
битвы;
Всем нетерпением выйти за правду на смерть.
Холодно, голодно, боязно, мама родная!
Русский закон раскололся о грешную твердь,
Как о молитву людская кровавая стая.
Русь прозревает в церковных пенатах душой,
И ожидает, когда ж в её сумрачной доле
Малая Тульская будет граничить с Большой,
Как с возрождением Руси Государева воля.

Хрупкость

Хрупка любовь земная в хрупком мире,
Как хрупок снег, что падает с небес,
Пока не утонул в метельном вихре
До одури жилой бетонный лес
Со всеми улицами, парками, дворами,
Со всем наследием душевных катаклизм.
А вот, подишь ты, топчет снег ногами,
Наш неуёмный русский оптимизм.
Хватает в нём скандалов и разводов,
Зубастых примирений и обид,
И тех, кто непременно мутит воду,
Но, все же, любит близких и любим.
Пусть привкус ожидания вечной ссоры
В сердцах людей снежинкою повис,
Но сыпет снег на Царские просторы
Всю хрупкость обжигающей любви.

Звон честности

Есть в честности церковный звон, и всё же,
Хватает с ней возни вплоть до обид.
И потому она не то, чтоб гложет,
Но, вот, в душе предательски болит.
Болит нещадно, насыщаясь горем,
Что век когда-то в панике нажил,
То в городской, то в деревенской ссоре,
Вдруг становясь и злобным и чужим.
Как в ярости, показывая зубы
Бездушьем отшлифовывая боль,
Срывался мир с катушек как безумный,
Чтоб только угрызенью дать отбой...
Обиды, критикуя чью-то честность,
Частенько чувства меры лишены.
Осталось окунуть их в человечность
Под Царским кровом русской тишины.

Камин надежды

В камине Царском сажа, холод, пепел...
И некому в него подбросить дров.
А он, как хлеб, церковной болью светел,
И ждёт Его Величество народ,
Который обязательно проснётся,
Как та неугомонная трава,
Что как любовь согреется от солнца,
Пока мороз забвеньем не сковал
Её душевное земное трепетанье,
Не опалил цветение войной,
Не обагрил российское дыханье
Такой ранимой тонкой сединой.
В крови сердца дичают, словно звери,
Но ждёт душа, когда сквозь смертный лёд
В камине Царском запылает вера,
Согрев Его Величество народ.

Шаг мира

У русской рати – звёздное начало.
В молитве скорбной – Божия душа.
И держит строй светло и величаво
Ее российский мощный мирный шаг.
По миру шаг – равнением на дружбу,
Равнением на жизнь. Планетный шаг!
Идёт защита Родины на службу,
Чтобы дышал покоем этот шар,
Такой земной, до хрупкости ранимый,
Такой большой и маленький такой,
И, всё ж, до коликов семейный и любимый, –
Хранимый светом, сушей и водой,
Чтоб грелась у небесного порога,
Бросая в Русь церковные ветра,
Лицом надежды повернувшись к Богу,
Вся Царская молитвенная рать.

Только вера

Деревни, села, города и люди –
Всё дышит жизнью в сытости обид.
Да кто ж её возьмет, да и разбудит?
Кто бросит в пот с претензией на стыд?
Кто обернёт любовь молитвой к Богу?
И кто согреет русское «Авось»?
Кто преклонит коленом к полу ногу,
Впечатав боль в раскаянье, как гвоздь?
И кто разгонит искренность по венам,
Ворвётся в православный непокой,
Смахнёт с обид усталость? Только вера
Своей библейской Божьей чистотой.
Тем самым в жизни главным на потребу
Ещё проложит Царская звезда
Дорогу, убегающую в небо
Через деревни, села, города.

Человек

У жизни города веками
Весьма оконное лицо
С его российскими дворами,
Что рвутся в память сорванцом.
И в этой памяти нетленной,
В церковных недрах старины,
Живёт Россия во вселенной,
Чтоб жизнь не ведала войны.
Война прочна кровавой сеткой,
Но как могуч любви росток,
Что оттолкнётся верой предков
От восхожденья на Престол.
И Царь разбудит непременно
Свет человеческих пружин.
Пускай он капля во вселенной,
Но голос человека – жизнь.

Русский дух

Вплетают гроздья улиц в детский смех
До нежности прозрачные молитвы,
А век людскую жизнь срывает с мест
В любовные приливы и отливы.
Любовь – она как небо в облаках:
То задождит, то солнечно вздыхает,
А то, забившись голубем в руках,
Рванётся ввысь и крыльями махает
Навстречу свету, тучам вопреки,
В объятия надежд полыни горькой,
Что в ненависти топчут сапоги
И шьют кресты кровавою иглой.
Но Бог наш Русский дух возьмёт на борт,
И пусть не обойдется без пробоин,
Но Царскую державную любовь
Россия примет, как вселенский воин.

Молчание надежды

По городу, по городу в российский мир
молитв
Идут страдания русского народа.
И хмурый взгляд обиженный по улицам
разлит,
Как по дворам дождливая погода.
Да что ж вы так не сдержанны, тирады
матерщин?
Вся ваша ярость ядовита страхом.
Вы жизнь других ломаете, как злость
карандаши,
Да так, чтоб побольнее – одним махом.
Тут пьяный распыляется, ему на все чихать,
А на кону семейное терпенье.
Там крутятся по городу в обидах и грехах
Скандальные шальные отношения.
Вот и взывает к Господу церковный
перезвон,
Такой родной и близкий, как и прежде,
Чтоб Царское спокойствие вошло
в Российский дом
Смирненным пробуждением надежды.

Прохожий

Звенит любовь в колоколах российских,
Звенит душою русского народа.
И в звуках тех, таких простых и близких,
Искрит молитвой Божия забота
Той благодатью, что даётся Свыше.
Не забывай, прохожий, это чудо,
Ведь с каждым шагом ты к нему всё ближе,
Когда тебе и радостно, и худо.
Ты этот звук храни, неси достойно
Через года, через своё столетье,
Чтобы дышалось на Руси просторно,
Как дышит в небе васильковом ветер.
Щедра Россия колокольным звоном,
И внемлет сердце этим звукам райским,
Ведь жизнь грехи врачует по законам
По Божеским, а значит, и по Царским.

Широты

В широтах беззакония
Сжигает мир война,
И душу рвут зловония,
Промёрзшие до дна,
До самой человечности,
Застывшей на глазах
Небесной бесконечности
В церковных образах.
Война за смерть цепляется,
Как душу ты не рви.
Грехами жить и каяться –
У русского в крови.
Скандальными софитами
Нас жжёт огонь страстей,
Но дышит мир молитвами
На Царской широте.

Свет мужества

Живёт военной жизнью строй солдатский,
А в мыслях – всё семейные дела.
День впереди, и он не будет штатским,
Но будет свет прозрачнее стекла.
В него уйдут все павшие за веру,
За села русские, за города,
Прошедшие на мужество проверку,
Как на любовь – семейные года.
Они предстанут во грехах, и славе,
Оставив память о себе живым,
Как мирный запах оставляют травы,
Уткнувшись горькой нежностью в ковыль.
От дрызг дорожных в сердце пыль да копоть,
Да и огонь, что злобу в мозг вдавил.
Но Царский строй торит на Небо тропы
Всей честью марширующей любви.

Журавлиная песня

Под звёздным дыханием русской земли,
В рассвет, что разлился по полю,
Летит журавлиный Божественный клин
Осенней холодною болью.
Развеялся белою лентой вдали
Крик детства в любви беспокойной,
Чтоб снова вернуть торжествующий клич
Под радостный звон колокольный.
И он разольётся по вольным полям,
По млечному звёздному следу,
И снова задышит родная земля
Теплом, потянувшись к рассвету.
Как только небесным лучом прорастёт
Сквозь веру державное семя,
Из Царской долины рекой потечёт
В века благодатное время.

Караван ветра

По улицам земли гуляет вольный ветер
Верблюжьими дорогами судьбы,
Сорвавшись в непокой с тугих небесных
петель
Прохладным сном натопленной избы.
Ах, этот звонкий ветер колокольной трели
Ласкает лица звездной тишиной,
Чтоб сонные глаза любовью пропотели
И улыбнулись русскою душой.
И вострепнулись тени, провожая ветер,
Как друга, что так дорог и любим.
Пусть он в заснеженных порывах незаметен,
Но теплотою Божию храним.
Он в каждой клеточке земли травинкой светел
И к каждому столу молитвой зван,
Чтоб шёлковым путём прошёлся по планете
Российской веры Царский караван.

Радость детства

На зимние пиры слетаются снежинки,
И рвётся во дворы лихая детвора,
И кружит Божий вальс метельные пластинки,
И рвутся в детский крик игривые ветра.
И кажется, что жизнь опять вернётся в память,
Перелистав свой век, помноженный на всех.
И катится по льду совсем не юный парень,
Забывший про года под звонкий детский смех.
А он морщинкой чувств растаял от улыбок,
Всею радостью скользнул в объятья голосов,
Чтоб ждал свою весну, листая вальс снежинок,
В квартирной тишине домашний детский сон.
По всей Святой Руси разосланы курьеры,
И скоро птичий звон разбудит белый свет,
Чтоб русский человек под трепет Божьей веры
Из Царского ковша пил радость Божьих лет.

Русская душа

Растаял крик в салютных куполах
Сороковых, столь горьких и победных,
И копотью кровавою легла
Кручина в боль, как на деревню бедность.
Запьёт мужик, а в водке брода нет.
И целый год похмелье в душу лезет,
И режет жизнь, как режет нож омет,
И мат жены донельзя бесполезен.
Ну, а как только свинство бросит в пот,
Дурной язык устанет горячиться,
Он в церковку ближайшую идёт,
Чтоб замолить грехи и причаститься.
Сердечный стук, что светел до небес,
Отсчитывает Божии минуты,
Чтоб в память начинали свой разбег
Цветные ленты Царского салюта.

Утро России

А утро за утром врывается в сон
Своей терпеливой заботой,
И каждой иконе отвесив поклон,
Людей поднимает зевотой.
Отстрочит проблемы хозяйка-весна
Своим зеленеющим садом,
И юноша будет стоять у окна...
Влюбленному много ли надо?
А жизнь, непременно, добавив ума,
Пройдётся по Божьим законам.
И вера судьбой постучится в дома,
Сердца обращая к иконам.
Вот так и проходят в молитвах года,
Отвесив поклон новоселам,
Чтоб Царское утро вошло в города,
В деревни, в поселки и сёла.

Подснежник

Безбашенный хлопец под скрип сапога
Войне той помашет пилоткой,
И память пройдёт по армейским грехам
Своей фронтовою походкой...
Душевный уют на исходе зимы
Разбудит весенняя нежность.
Сквозь вьюгу морщинок мужской седины
Появится первый подснежник.
Тепло улыбнувшись преклонным годам,
Задев старика за живое,
Военной молитвой скользнёт по губам
В сердечном, мучительном бое.
И в скорбном молчанье тряхнув сединой,
Пред Богом покается грешник,
Чтоб вера народа горячей слезой
Упала на Царский подснежник.

Орёл жизни

Над Русью летает орёл,
Сорвавшийся с клавиш гармошки,
И рвётся в дыханье берёз
Российское сердце Алешки.
Пусть в жизни себя не нашёл,
И в храм не спешит за советом –
К любви приложился душой,
Глазами наполнился светом.
И все же лицо омрачит
Безбожность земной круговерти,
И в клавишах боль задрожит
Кровавою Царскою смертью.
Престол, что народ не сберёг,
Покрылся столетнею пылью...
Но Царский двуглавый орёл
Расправит российские крылья!

Ветки надежд

Людские ветки распускают почки
И дышат верой Божеских лучей.
А на дороге к даче – грязь да кочки,
Да грешное дыхание свечей.
И молит Чудотворца горожанка:
О доме её мысли, о себе.
То холодно её душе, то жарко.
Сегодня чёрен день, а завтра – бел.
И так всю жизнь, а радостей немного.
Вся в детях, хоть и хворая уже.
И спят часы, как тот медведь в берлоге,
Настенным сном на Божьем рубеже.
Трудна такая жизнь в тисках событий,
Ведь век порой коварен и жесток.
Но Царские разорванные нити
Сойдутся в храмах ветками дорог.

Тепло поэзии

Земля согрета русскими стихами.
Они скользят в небесное тепло,
Чтоб строчками нырнуть в прохладу хаты,
Что режет душу скрипами полов.
Ах, Верка, Верка, материшься сладко.
Всему виной колючий твой язык,
А вот в поэзии березовой загадкой
Задышит вдруг замороженный лик.
И терпеливо слушают соседи
Всей глубиной посуровевших лиц,
Как тишина набрасывает сети
Былых боев на память тех страниц.
И входит жизнь голодными грехами
В тепло ещё не сбывшихся надежд.
И ждёт Россию Царское дыханье,
Согретое дыханием людей.

Два лебедя

Встревоженный лебедь осенней разлуки
Сорвался в полёт, наконец.
И вслед ему машут российские руки
Колосьями русских сердец.
Глазами девчонки, глазами парнишки
Глядит на Россию Сам Бог.
Узнал же Егорка о Боге из книжки.
Вздохнул и – айда за порог.
А там – чисто поле и небо, и ветер!
И ноги несут его вдаль.
А он этим дышит, а он в это верит,
Как юность преклонным годам.
Пускай раздражительный западный лебедь
Уже никуда не спешит,
А Царская память летит сквозь столетья
В созвездия русской души.

Автобус чувств

Считает автобусные остановки
Усталость задумчивых глаз,
И лезут навязчиво в мысли парковки,
И броский витринный показ.
Ладонь напряглась и растёрла усталость,
Румянец скользнул по лицу.
Антон потянулся. С устатку зевалось.
Но спать не пристало «бойцу».
А то, ведь, проскочишь любовь и уедешь
По глупости чёрти куда.
А встречу с Наташкой уже не отменишь:
Обидчива, просто беда...
А люди стоят на чужой остановке,
Врачуя и правду, и ложь,
Чтоб ехала с верой по Царской путёвке
В крещёную жизнь молодёжь.

Ветра любви

Любовь – это поезд, несущийся в вечность
По млечности к звёздным мирам.
Там нет остановок, но есть бесконечность,
Отдавшая чувства ветрам.
А их ведь четыре, четыре бродяги.
А жизнь у людей лишь одна.
И пусть в ней дорогу осилит не всякий,
Она не напрасно дана,
А значит, идти от рассвета к закату,
И снова к рассвету идти
По трудным дорогам, и к каждому брату
На отдых свернуть по пути...
И будет он вечным, и будет голодным
Любви ненасытный базар.
Но поезд российский по рельсам народным
Пребудет на Царский вокзал.

Трубы времени

Рванул с подоконника вниз воробей,
В кустах затерялся мгновенно.
Лишь жизнь заиграла на старой трубе
Настойчиво и вдохновенно.
А Тимке нет дела до нервов других:
Срывает в трубу раздраженье,
Пугая соседей и добрых, и злых.
Дай Бог им большого терпенья.
И нету начала, и нету конца
У этой души раздражённой,
Вот, взять бы и высечь ремнём наглеца,
И высмеять глоткой лужёной.
А где же вниманье до детских забот,
Таких долгожданных и близких?..
Но Царские трубы разбудят народ,
И грянет оркестр всероссийский.

Песня длиною в жизнь

Вздыхает гитара дыханьем струн,
Под пальцами жгут переборы,
Вгрызаясь в волнение, как пасмурность в грунт,
На время прервав разговоры.
И плещутся в чувствах простые слова
Ямщитской дорожную степью,
И голос Емелин со вздохом сновал
В сердцах беспокойною тенью.
Окончился песенный путь ямщика.
Но жизнь не закончится пеньем,
Как вера не может иссякнуть, пока
Ведут к ней людские ступени.
И хоть эта жизнь, заблудившись в грехах,
Не ходит пред Богом по струнке,
Но дышат любовью в российских сердцах
Народные Царские струны.

Строка любви

Всё с красной строки больно пишутся годы,
А в них терпеливо живёт нищета.
И лезут в глаза магазинные всходы,
Да только в домах поселилась нужда.
Вот, Дмитрий уткнулся в пустой холодильник,
И, с чувством закрыв его, съел бутерброд.
И младшему брату вlepил подзатыльник,
И вдруг, разозлившись, промолвил: «Урод».
Отец в стельку пьяный, а мать на работе.
«Спасибо соседу, вчера накормил».
Застряли в кредитах, как кочки в болоте,
А этот последние деньги пропил...
Пусть, меря Россию походкою нервной,
Былые обиды сотрут каблуки,
Но проблеск надежды, разбуженный верой,
Запишется совестью с Царской строки.

Сквозь время

Сквозь суету, сквозь быт, сквозь нервность
Любовь срывается на пике,
И проверяет жизнь на верность
Той майской памяти букет.
Цветы в руках у ветерана –
В них и победа, и война.
А пареньку уже не странно,
Что отдаёт свой свет сполна.
Он горд российской отвагой,
Как своей Родиной солдат.
И наполняют слезы влагой
Кровавых лет вишнёвый сад.
А жизнь столетий, как и прежде,
Даёт безумию отбой,
Ведь в Царском пламени надежды
Жива народная любовь.

Время памяти

Тепло любви в молитвах и в грехах
Превозмогает вечную усталость.
И боль Дениса держится в руках,
Хотя по временам ныряет в вялость.
А жизнь идёт, и люди вместе с ней.
О, Боже, широка страна родная!
Ведь Родина цепляет всё сильнее —
Она же для душевных струн святая.
Потеря близких жжёт, как память сна.
А мать есть мать. Уже не возвратится.
Пусть смерить её Денис не осознал,
Пора пришла поверить и молиться.
В страданиях разбитого тепла
Врачуется боль церковная забота,
Чтоб верой православною текла
Любовь по Царской памяти народа.

Капля Родины

Под окнами тополь, береза и люди.
Под окнами целая жизнь.
И всё это вечно, и всё это любо,
И русским дыханьем дрожит.
И Косте всё это до одури близко,
До капли он пьёт этот сок.
Да только, вот, сердце настойчиво тискал
Какой-то упрямый комок.
Застряла война навсегда у солдата,
В Афгане, в чеченском плену,
Прошедшего всё от призыва до ада,
Чтоб только сберечь тишину.
Хоть мирный покой содрогнулся от стоны,
И голос надежды осип,
По Божьему слову поднимет знамёна
Столетие Царской Руси.

Бег надежды

Старик пришёл, на стул потупил взгляд,
Умылся одиночеством с покорством,
Как без Царя российская земля
Сто лет уж умывается сиротством.
Один, совсем один, куда ни кинь,
А там, между домами – люди, люди.
Их голоса летят, как птичий клин,
И раздражают слух до зла, до мути.
Хоть дух его не верил в чудеса,
Измученный в стенах душевной битвой,
Он всё-таки пошёл на голоса
За своей первой старческой молитвой.
И, открывая двери в новый век,
Церковный дом приветил новосёла
Лишь потому, что вера – это бег
Людских сердец до Царского Престола.

Цветы России

А женская доля хрупка, как берёза,
Во вдовьих оковах войны.
Вдруг клапан сердечный кольнула заноза,
И он страшной болью заныл...
На мужа Прасковье пришла похоронка:
Погиб за Россию солдат!
В руках задрожала на небо путёвка,
В тот райский Божественный сад.
Сын зло уминает кусок шоколада,
Читая заученный стих.
Душа содрогнулась, а жить дальше надо,
Ведь в школу ребёнка вести.
Но ветер военный любовь не состарит,
Пока шум берёз не остыл,
И женщине русской Россия подарит
От Царского сердца цветы.

Обида

Деревенька хмуро смотрит в поле –
Нет на нем вчерашних косарей,
Только ветер дышит Божьей волей,
Да ещё молчаньем двух детей.
Собрались на речку Витька с Генкой.
Подрались, насупившись, идут.
Витька вдруг смешком затрясся мелко
И вздохнул: «По бате плачет кнут.
Инвалид, «ети», да и не молод.
Ловит рыбу днями напролёт.
Твой-то молодец, подался в город,
А, вот, мой ругается и пьёт».
Возмущенью дав минутный роздых,
Он в досады выплюнул слюну.
Ну, а вечер, задевая звёзды,
Не спеша готовится ко сну.
Деревенский быт до капли выжат,
Водкой заливая своё зло.
Вот, и ждет малец, когда задышит
Божьей верой Царское село.

Царские колокола

А вера жизнь тревожит куполами.
От храма к храму – путь её в века.
Целует православными устами
Иконы, словно взгляды облака.
И в трепет утра дышит чистотою,
Берёзовым российским ветерком,
И машет нам, как колос тишиною,
Как вслед мужчине женщина платком.
Она смирение женское сквозь годы
В сердца детей молитвой разлила...
И будят душу русского народа
Святые царские колокола.

А как же без Царя?

Монаршья честь

*Солдатушки, бравы
ребятушки,
А в чем ваша доля?
«Наша доля – Государя воля.
Вот, в чем наша доля!»
Н. Косых*

Далеко ли, далеко ли
Через нищенскую мглу
Шаг держать солдатской доле
По Российскому селу?
Что направо, что налево –
Пьёт мужик, теряя стыд;
И, попав во вражий невод,
Святым Духом в горе сыт.
Ни работы, ни желанья –
Только пьяная стезя,
Да безудержное ржанье,
Да мышинная возня.
Ну, проспался, ну, скрутило...
В нервы врезалась жена,
Всё обрыдло, всё постыло –
Даже «жизня» не нужна.
Где колхоз? Ну, где деревня?
Ни слышать за тишиной.
Только редкие моления
Рвутся в душу сединой.

А душа – она как семя:
Прослезится до земли
В год Монаршеского сева
И надеждой заболит.
Заболит Святою Русью,
К солнцу вылезет ростком
И согреет сердце грустью
Под солдатским башмаком.
А солдат – он честью дорог:
Держит шаг, как тот мужик,
Что, откинув пьяный полог,
Рвёт свой грех в святую жизнь.
А любовь – она подспорье:
Красоту не пить с лица!
Заживёт душой подворье
От Монаршего крыльца.
От такого пуда соли
Честь солдатская мила...
Далеко ли в чистом поле
С Царской песней до села?

Народная награда

Согрет Помазанник Российский
Слезой церковного тепла.
Поклон тебе земной и низкий
Отныне бьют колокола.
Слова молитвенного света
Тревожат словом и скорбят
О том, кого уж больше нету,
Но тот, кто для России свят.
Вот только память худо-бедно
Даёт нам правильный урок,
Что революции победно
Рвут наши души, рвут их впрок,
Чтоб, наступив грехом на веру,
Всходила «новая» заря...
В тот год народ, не зная меры,
Взял и отрёкся от Царя.
Взял и отрёкся... Боже Правый!
Рванул в гражданскую войну,
Хлебнул убийственной отравы,
Как чёрный волос – седину.
И кровь лилась, лилась расплата
В «советской солнечной стране».
... Народа грешного награда
В слезах куётся и в огне.

Солдат и поэт

Солдат спросил: «Скажи, поэт,
Чем жизнь прогневали солдаты?
Воюют всё, а денег нет.
А смерть – за мужество расплата.
И обезбожена семья.
Ребенок есть – отцовства нету.
И, вдовство женское кормя,
Супруга мыкает по свету
В плену израненной души
В тех самых днях воспоминаний,
Где лист супружества прошит
Любовной нитью ожиданий.
А тут ещё старушка мать.
Как ей смириться с женской долей:
Растить дитя и потерять
На том кровавом бранном поле,
Куда и сон не залетал,
А взял и сделал остановку?
Рванул солдат в девятый вал,
В геройство выписав путевку.
А в том геройстве есть ли смысл?
В чём Божий промысел солдата,
Коль кровью провожаем мысль
Из рая детства в будни ада?
Ведь раньше Царское плечо
Давало повод к лучшей доле.

Война кусала горячо,
И выходили рати в поле,
Чтоб, умирая, побеждать,
И, побеждая, верить в Бога!
И в горе понимала мать,
Что у солдат своя дорога.
А мы идём, невесть куда...
И там, скажи, за что воюем,
Кладем безусые года
И в похоронки смерть покуем?
Скажи поэт?» Поэт сказал:
«В своей поэзии я воин.
И подвиг твой в моих глазах
Доверья Господа достоин.
А Божий промысел, солдат –
В берёзовой Российской вере,
Когда под мирным небом спят
Жена, дитя и мать... Ты веришь
В такой сюжет, в такой расклад?
И в этом Царское начало!
А я тебе по духу – брат,
Чтоб жизнь напрасно не скучала.
Винтовку правды зарядив,
Свое перо макну в чернила...
Ведь я творю, пока ты жив:
И в нашей жизни – Божья сила!
Мы убиваем: я пером,
А ты винтовкой. Бьем по цели!

Присягу мужества даем,
И жизнь храним в Российском теле.
В том Божьем теле, что Господь
Ссудил сынам для мирной доли,
И Царской волей дышит плоть
На этом самом бранном поле.
Судьбы крутые виражи
Прессует жизнь сквозь боль и пламя.
Ты охраняешь рубежи,
Я охраняю Божью память.
И в этой памяти я чист
Своей душой, твоим порывом,
Ведь наша жизнь – кровавый лист
Пред историческим разрывом.
Он нашим братством убелён!
В бою солдат России верен!
А перед смертью бьёт поклон
Царю, Отечеству и Вере.

Необузданная тройка

В чистом поле тройка мчится:
Разрезвилась, разошлась.
В соловьиные Российские просторы,
За плечами – миг столетий,
А летит, как в первый раз,
Разрывая грудью ветренные стоны,
А ямщик свистит задорно,
Колокольчик рвётся в пляс.
Это рвётся в нашу жизнь душа народа,
Это вера Божью удадь
Выставляет напоказ,
Дождаясь святость Царского прихода,
Чтоб идти в былую славу
За Божественной звездой,
В свет прощенья небесной благодати,
Чтобы с песней соловьиной,
Опаленною бедой,
Шли по площади полки бессмертной рати.
А к прощенью народа
Путь лежал через войну,
Через сорванные Царские погоны,
Через лобные расстрелы,
Что бросали в седину;
Через бабий жуткий крик
Да вдовьи стоны.
Через всё, что было правдой,

Но неправдой нареклось;
Через всё, что есть, и всё, что только будет,
Покрывая смертной пылью
Боль серебряных волос,
Раздирая в клочья век солдатских судеб.
Сколько их в кровавой сече
В нашу землю полегло,
Защищая Царский день светло и стойко!
И несётся по России
Полям в Царское село,
Споря с ветром, необузданная тройка.

Царская улыбка

Хлопнет дверь, за ней другая,
Лопнут нервы и взорвутся.
Рвётся с губ метель такая,
Что и уши содрогнуться
От подобного напора
С трёхэтажным беспокойством.
Закипает в жилах ссора
И разгульное геройство.
А война, она не дремлет:
Хлопнет дверью – так уж хлопнет,
И раскачивает древо
Всей России в три прихлопа,
В два притопа до Престола,
До истоков Царской чести,
Чтоб взбодрить кровавый топот,
Марширующий на месте.
И, содрав с Руси рубаху,
Разгуляться страшной бойней,
Бросив Царский крест на плаху,
Оставляя век в исподнем,
Научилась хлопать дверью!
Но с Россией шутки плохи:
За Помазанником веры
Шаг равняет плоть от плоти
Всей народною дружиной
Несгибаемая воля.

Мерит смерть людей аршином
И с ума страдальцев сводит,
Только дверью уж не хлопнуть,
Коль Помазанник вернётся
И, войдя в святое лоно,
Всей России улыбнётся.
А Россия сбросит страхи
В век, что мается в исподнем,
Чтоб поднять с кровавой плахи
Крест упавший – Крест Господень.

Весы

Всё также тикают часы,
Всё также бьют по клавишам минуты,
Всё так же в такт качаются весы:
То в день, то в ночь, небесным взором лютым.
Всё так, всё так, всё так... Или не так?
А, может, в мире всё не так уж плохо?
России надо сделать только шаг –
Шаг русской веры в Царскую эпоху.
И пусть мужик Царя не уберёт
От этой самой своры власть имущих,
Его молитвы вновь услышит Бог,
В мирских проблемах обществу присущих.
Ведь за Царём вольготно мужику
Любить свою страну под сводом веры,
И мир любить, как детство старику,
Став миротворцем правды новой эры.
Для мира он всего лишь проводник,
А для народа Царского – опора.
Для Господа он – грешный ученик,
Спаситель душ от лютого позора.
Он – Третий Рим в молитве и любви.
Ведь он мужик, он просто верит в Бога.
Пусть боль войной в его душе кровит,
Он православный: в мир его дорога.
К Царю, к Царю, пусть так или не так,
Он шёл к нему чертогами прощенья,

Но к очищению правды сделал шаг
Через враньё, убийства и лишенья.
А в Доме Царском тикают часы,
Всё так же бьют молитвенно минуты
По клавишам, как в капельку росы
Бьёт первый луч девятым майским утром.
И нету лучше места для жилья,
Чем этот луч вселенского простора:
В нем Царская державная земля –
Для мира и защита, и опора.
Ведь в доме, где есть место для грозы
Междоусобной лютости и бреда,
Качаются небесные часы
То в день, то в ночь, Российской каплей света.

Первый шаг

Когда надежду вымоешь теплом,
Как будто взглядом вымыл хмурость неба,
Все мысли, что несутся кувырком,
Утонут в чувствах, словно зёрна в хлебе.
Задышит город снежной теплотой,
Укрыв осенний зуд московских улиц,
И пробежит зеркальной слюдой
Морозец, спрессовав сугробный улий.
И выйдет беспокойное дитя
На это поле снежной паутины,
И будет мять историю шутя
Походкой бодрой, словно смех – рутину.
Пусть выжигала царскую любовь
Калёным строем эхо революций,
И в материнский ужас бился лбом
Трибунным кличем праведных инструкций,
И сыпался осколками надежд
По всей стране, по всей земле Российской,
Но не сдавала вера свой рубеж,
Народу русскому до боли близкий.
Дитя страны впечатает свой след
В историю заснеженного поля,
Чтоб перемены вырвали с колен
Российский век, о чём так люди молят.
В сей славный век юнец проложит путь,
Ведь он же русский, русский, слава Богу!

И пусть ещё малыш, ну, что же, пусть,
Зато вступил на Царскую дорогу.
Своим рождением был благословен,
Сорвался в жизнь крещёным плачем века,
Перед иконой Божьей встал с колен –
И сделал шаг большого Человека.

Перекрестки судьбы

По Арбату, по Арбату,
Вглубь во дворики любви
Рвётся шагом беспокойство пацанёнка.
И в московской взрослой жизни
Он добром мастеровит,
Божьей милостью российского ребёнка.
По асфальту, по асфальту,
Бьются пульсом ритмы ног,
Бороздящие московские просторы.
И дорогами вселенной
Им протопать суждено
Через годы и века, сквозь боль и ссоры.
И с мальчишеским упрямством,
Разбредаясь по домам,
Топчут радости домашнего уюта.
И крестом врачует судьбы
Перед зеркалом гримас
День греховный, что расписан по минутам.
А Господь живёт в молитвах,
Сколько совесть не триви
Чёрной памятью Российского раскола.
И, готовясь к этой встрече,
Он народ благословит,
Ожидая детство Царского Престола.
Этим детством Русь святая
Потревожит грешный мир,

Возродив своё былое хлебосољство.
И военную отраву,
Оголѣнную до дыр,
Смоет верою славянскаго упорства.
По Арбату, по Арбату,
Вглубь Россійскаго двора,
Пацанѣнку предначертана дорога
Через войны, через судьбы,
Через тысячи преград,
До молитвеннаго Божьего порога.
И смирение людское
Повернѣтся к небесам,
Всколыхнув душевный трепет в миллионах.
И Божественное слово
Разойдѣтся по домам,
Янтарѣм рассыпав звѣзды на погонах.
Всенародным ополченъем
Встанет памяти редут,
Возродив рассвет столетнего заката.
И за Царскою любовью
Пацанѣнка позовут
Перекрѣстки духа Русскаго Арбата.

Эхо революций

Разнесло-то вас как, раскрасавило,
Лубянные деревеньки, вдоль дорог.
А вот тяги к земле поубавилось –
Нынче в людях деревенских недород.
А Никола-то к земле не пашенной
Приложить свои коленочки не прочь.
Да народишко-то стал обезбашенный,
И любовью запустенью не помочь.
А чего тут помогать нелюдимым,
Коль им выйти в чисто поле не с руки?
И живут дворы в сугробах. Вестимо,
Ведь остались в них одни старики.
Да и пьют свой вечный чай деловито,
С той любовью, что осталась от отцов.
Пусть убого, да по Божески сыто,
Чтобы встретить летом внуков-сорванцов,
Чтоб приветить это новое детство,
Чтоб потомство дорогое накормить,
Чтоб дышало звонким смехом наследство,
Босиком вбегая в будущий мир.
Да прошлось бы по Руси по-хозяйски,
Да светилось бы цветеньем долгих лет,
Да не жило бы по чьей-то указке,
А вдыхало благодатный Божий свет.
Где ж Никола? А идёт он в походе далёком
Приклонить наш век к могильному кресту.

И несутся мысли снежным потоком,
Словно память человека к листу,
Упокойся, корень русский, в могилах.
Упокойся, да прибудет с нами Бог.
И поклон земле, что свет приютила
Стариковского терпенья вдоль дорог.
А до кладбища любви рукой подать,
И пусть думы обжигают его страх,
Здесь лежит им похороненная мать
Под сугробом, что запутался в ветрах...
Как бы много ни скопили мы грехов,
Как бы ни был грех в раскаянье убог,
Но живут до третьих Царских петухов
Лубяные деревеньки вдоль дорог.

Жизнь как жизнь

Трётся ветер о деревья,
Как о звезды трётся космос.
Спит Российская деревня,
Чуть вздыхает, словно колос.
Ветер, ветер колосится
Лёгкой утренней прохладой.
Ночь теряет звездный ситец,
Расточая чёрный ладан.
С глаз рукой срывает Марья
Деревенскую усталость, –
Хоть спала по жизни мало,
Но взбудрила душу малость.
Накормила свою живность,
Уподобившись кухарке,
И пошла по Царской жизни
Шагом утренней доярки.
А навстречу – пёс бездомный.
Приблудился, притерпелся.
И, хотя по виду скромный,
Затянул собачью песню.
То ли плачет, то ли воет,
Голод ведь с утра – не тётка.
На Марию смотрит волком.
Да от взгляда много ль толка?
Положив на землю кости,
Что с собою прихватила,

Побрела к коровам в гости,
Ну, а псу тот взгляд простила.
Пёс зевнул и благодарно
Посмотрел ей вслед по-детски.
Видно, встретились не даром
Судьбы утром деревенским.
Спит деревня. Ветер, ветер
Моросит июльской дрожью.
Тишина полей с рассветом
Колосится райской рожью.
А Господь добром по жилам
Полет бабий век, как грядки,
Чтобы шла по Царской жизни
Марья – поступью доярки.

Глубинка

Расходившись троекратно,
глотки вырвали «ура».
И сомкнулись в звоне Царские бокалы.
И рванулись в конный штопор
под огонь на брата брат,
Распыляясь от предсмертного накала.
Убивали, убивали...
умирали, вот беда!
Да и в землю деревенскую ложились.
И пропитывалась в почве
русской кровушкой вода,
Ради тех, кто был так дорог в этой жизни.
Ну, а жизнь у мужиков-то
в покосившейся избе,
Да без баб, да после этой свистопляски?..
Воротиться воротились,
только в совести пробел
От закопанной в могилах женской ласки.
Пьётся горькая стаканом,
распаляя вечный спор:
«Что же делать?»... Мужики отгоревались.
Ну, а завтра, по утрам —
к черту пьяный разговор!
«Что-то кони на привале застоялись.
Что-то болью деревенской
наши мысли замело».

За Россию рвётся в пляс дурная лихость.
И от бешеной той скачки
снова – сабли наголо!
Жаль, что некому за души помолиться.
Смерть хозяйкою гуляет
по Российской стороне,
Сатанеет от кровавого дурмана.
Мужики посуровели:
на войне, как на войне.
Вновь сомкнулись в опьянении стаканы.
И рванулись годы в штопор,
в исторический забег,
От Российской тишины ломило уши.
Но в глубинке деревенской
в покосившейся избе
Троекратное: «УРА!», – согрело души.

А как же без Царя?

А как же без Царя живём и жили?
Народу за сто лет не привыкать?
Пусть революция семнадцатого в силе,
Но ведь не вечна нищенская гладь.
Пойдут круги в Российские просторы –
Народ ведь не обманешь забытьём.
Пушай забился дух народный в норы,
Его не купишь краденным рублём,
Рублём, что за грехи цепляет боком
И жалит сердце Родины огнём.
Но колокольный звон небесным током
Не даст уснуть душе безбожным сном.
Вот, кто-то из толпы. Похоже, Вовка.
Вдруг крестится, колени приклонив.
Не в церкви, нет, а в поле. Что, издёвка?
Да нет, он молит Бога, пока жив.
Пока жива святая вера предков,
Пока согрета Крестной болью Русь,
Народ встречает подлость Божьей сеткой
И предаёт огню сей чёрный груз.
Сочится мрак сквозь веру поколений,
Но кровь на плахе вопиёт не зря.
Ведь он придет – Помазанник столетний.
Взойдет на Трон. А как же без Царя?

Царская ода

Мать дитя своё качает:
«Спи, сынок, усни, мой милый».
И, к любви прижавшись, чадо
Копит, копит свои силы...
Увлекает грех Российский
Обездоленную совесть
В путь кровавый, путь не близкий –
От шальной беды да в горесть.
Темень, темень льётся кровью,
Жизнь трещит по швам, как кожа.
Большевицкое сословье
Тычет «царственностью» в рожу.
Кроет матом в печке холод,
Как хмельной солдат с порога,
И в Поволжье рвётся голод
По Российским по дорогам.
А вокруг шумят берёзы
Золотистым листопадом,
И солдатским рёвом грозы
Бьют по матери ухватом.
Жизнь раскачивает топот:
«Левой! Левой!», – снова в детство,
И прессует дробным током
Память Царского наследства.
Мать в дите души не чаёт,
Чуть дрожит тревогой голос,

Сон мечту свою качает,
Как качает землю колос,
Как качает звёзды время, —
И в идиллии семейной
Материнским светом реет
Белый Царь всея вселенной.

Зимняя ржавчина

По ржавчине сердце струится колокол
Российским обжигающим ручьём.
И Рождество тепла лелеет облаком
Мирской надежды правду и враньё.
А ты, война, идёшь и спотыкаешься
По душам – Царской горечью сердец.
По подворотням веры кровью маешься,
Как за товар разгневанный купец...
А Яшка от скандалов в муках творчества
Рванул в поля, в распаханную Русь,
Чтоб, убежав от скуки одиночества,
Вкусить сполна полёт души и грусть.
И, распахнув своё крыло томления,
Вписать строку в кровавый пульс войны.
И, успокоив словом вдохновение,
Махнуть слезой в берёзовые сны.
И растворится в поле Божьей ласкою,
Прильнув к снегам пылающим челом,
Чтоб ржавчина войны о душу Царскую
Разбилась Рождеством колоколов.

Офицерская честь

Доколе в крови офицерское слово,
Незыблема Царская честь.
Россия веками хранит этот довод
Безбожию в противовес...
А вес для служивого Лёшки – погоны:
В них честь и желание быть.
В свой отпуск спешит в колокольные звоны –
Пред Богом свой грех преклонить.
А храм – это жизнь. Бьётся трепетом слово,
И вера крепка как гранит.
И рвётся наружу душевное соло,
Рассветом бросаясь в зенит,
Как совесть бросается в пламя страданий,
В борьбу за великую Русь.
Из тысяч взлелеянных сердцем свиданий
Уходит в смертельный искуc.
И там, у черты, до последнего вздоха
Неведом Алешке покой,
Ведь право дано ему ахать и охать
Тяжёлой военной судьбой.
А вот преклонить перед Господом душу
В свой отпуск – благая печать.
А выпустить грех затаённый наружу –
Что в совести детство качать.
Как землю качает небесное слово
В молитвенных Божьих руках,

Коль слово Алёшкино биться готово
Крестом в городских синяках.
Порою военная служба сурова:
Срывает с насиженных мест.
Но будет в крови офицерское слово,
Доколе есть Царская честь.

ВДНХ

От Царской памяти до самого Престола –
Тысячелетняя история сердец.
Тысячелетие кровавого засола
На теле Родины оставило рубец.
И в нём плескается Серёжкина усталость,
Нырнув во внутренний зевон ВДНХ:
Воскресной вялости донельзя наглоталась,
Как в котелке кипящем русская уха.
Но, как-никак, ВДНХ – основа парка,
Ведь там влюбляются и жизнь несут в дома,
Пока российская любовь до встречи падка
И жалит судьбы, как безжалостный комар.
Она летит через столетья, через память,
Через терпение разбуженных сердец,
В скандалах совести навзрыд донельзя парясь,
Как тот израненный судьбиною боец.
Всё в Царской памяти до самого Престола
Несёт Серёжкина любовь в ВДНХ,
В тысячелетие кровавого застолья,
Рубцом безбожья разъярённого стиха.
Всё это так, но, как-никак, любовью дышит
Всё человеческое в Божьей простоте.
И жизнь Серёжкину столетия услышат,
И оттолкнутся в свет молитвы от потерь.

Слепой перед иконой

Душа, кормящая любовь,
Перед иконой дышит правдой,
И обнажает чувства ров,
Врываясь в мысли снегопадом...
Ведь жизнь Федота бьёт ключом,
И дышит радостью смирение.
Молитвы, может, ни о чём,
Но в них есть сила исцеления.
Но в них есть Царская мечта –
Любить народ, семью и Бога.
Ведь жизнь незрячего чиста,
Пусть внешне даже и убога.
Пускай шаги считает трость, –
Она считает его годы,
Врезаясь в память, словно гвоздь,
Как лужи в сердце непогоды;
Как пуля в тело на войне.
Но что за блажь? Он видит верой,
Душой светлеет в седине,
И в чёрной истине, и в серой.
А в Божьей правде духом свеж.
Светла незрячая судьбина,
Пускай грехом зияет брешь,
И дышит холодом, как льдина.
Он пережил тогда Афган.
Он пережил столетье боли.

Но чувств слепящий ураган
Смирил в себе по Божьей воле.
Смирил как истинный боец,
Простив друзей, врагов и пулю,
Что в жизнь вкрутилась, как резец,
Вжав крик Федота хрипом в скулы.
Вжав в темноту последний бой,
Последний стон в угасшем свете.
Но даже истинный герой,
Всё ж, перед Господом в ответе.
Его смирение плавит лёд
И перед Богом не лукавит,
И за Царя идёт вперёд,
И верой шаг души чеканит.

Что почём

Без Царского пригляда город слеп,
Но прозревает в Божьей благодати.
Пусть нищету глотает, в том числе,
Чеканит Божий шаг, как на параде.
Чеканит шаг Бессмертного полка
С той фотографией, что поднял в небо Мишка
В ту пыль войны, что жмёт от сапога
Святой солдатский пульс порыв мальчишки, –
Порыв бессмертия от дедовской любви
До мирного безоблачного неба;
До подвига, что как плющом обвит
Бесстрашием, пусть даже и нелепым.
Бывает смерть в расцвете буйных лет,
В той самой гуще жизненных пробоин,
Что в Рай однажды выдала билет
Той памяти, что душу беспокоит
Идущего под знаменем Полка
В бессмертие Российского народа
От заводского Царского гудка
До мирного планетного похода
К тем, кто нам дарит светлый майский день
Ценою жизни, отданной когда-то
В переплетенье веры и измен,
Но знавших лишь одно: так было надо.
Так было надо! Надо! Вот и всё.
Ведь дом есть дом – родимая земля,

А на пруду ушица с карасём...
За это можно кровушкой умыться.
Пусть Мишкин путь столетием измят,
Но душу лечит Царская забота,
Пока Москву тревожит Божий взгляд
Церковной жизнью русского народа.

Шаг мудрости

Что там, где там? Все дороги развезло.
Грязи по уши! Российские дороги...
Прохудился разъяренный потолок
И с небес рванулись ливневые соки.
Эка жалость, вот, досада. Не в первой
Грязь месить по бездорожью солдатам,
Если манит в путь дорогу непокой,
Вот и рви в усталость с таким ухватом.
В грязь ввинтив военной хваткой сапоги
Да под Царский шаг рвануться в Божью веру,
Чтоб сомненье шелухой смахнуть с ноги,
Окунувшись с головою в неизвестность.
Как тут голову свою не потерять,
В бой сорвавшись, невзирая на усталость,
Погрузив всю жизнь в кровавый смертный яд,
Чтобы жалости к потерям не осталось.
Чтобы все, что так задумчиво любил,
В этой бойне от штыка перегорело,
Чтоб израненным юнцом вернуться в тыл,
Чтоб под скальпелем лежало его тело,
Чтобы Царской волей выжил, наконец,
Да молился, да молился в Божьем храме,
Чтобы с выправкой военною юнец
Козырял крестом Георгиевской славы.
Что там, где там?.. Ну, не спится мужику,
Манит парня в грязь военная дорога.

В отчем доме не сидится «дураку»:
Честью Царской дорожит в объятьях Бога.
Мать всё плачет: «Ну, куда ты, ну, куда?»
А ему студёный ливень по колено.
Он уходит с Царской мудростью в года,
Козыряя своей выправкой военной.

Вера отцов

И в сорок первом содрогнулась
Обожествленная душа,
В погоны Царские вернулась,
Чтоб в сорок пятый сделать шаг:
Свой первый шаг к Царю и Богу,
В Отечество свой первый шаг,
Собрав свой скарб любви в дорогу,
Всё так же каясь и греша;
Всё так же скорбными глазами
Подставить Господу лицо,
Чтобы ребенок в Божьем храме
Молился верою отцов;
Чтоб был народ наш хлебосольный
Согрет улыбками детей
Под Царский шёпот колокольный,
Под перезвон людских страстей.
В кромешной мгле полоской света
С любовью вертится беда,
Но во Христе в надежду верит
Из Рая изгнанный «Адам».

Коломенское чудо

Боль Царская по городу идёт,
По улицам идёт, по скверам, по аллеям.
У храма с внуком дед чего-то ждёт:
Степенно крестится, взор приподнять не смея.
В Коломенском сердца найдут приют –
Икона Божьей Матери людей смиряет.
А что же с внуком дед находит тут?
И что его у входа в храм одолевает?
Терпение молитвенной души
И та прозрачная нетерпеливость внука,
Что строгостью уже не потушить...
Да, сколь трудна в смирение Царская наука.
Зато терпенье – старости пример,
Желанье не обидеть, просто подражая.
Внук деда торопить хоть и не смел,
Но, дёрнув за рукав, взмолился с жаром:
«Ну, дед, пошли, чего мы ждём? Ну, дед!»
А дед промолвил непоседе: «Успокойся.
Капризничать тебе, внучок, не след,
Как и смотреть в такой момент на деда косо».
«В какой такой момент? Скажи мне, дед, скажи!
Скажи, скажи. Чего мы ждём?
Ну, правда, деда!»
И вдруг... В колокола вдыхает жизнь
Закатное тепло и свежий вздох рассвета.
Они листвою плывут через века,

Их звон сплетается с сердечным пробуждением,
Стекая светом в память старика,
А вместе с мыслями его – с его терпением.
Жизнь Царская на землю пролилась
И в душу города молитвенно впиталась.
И от души вливали звон колокола
В церковный хор, врачуя молодость и старость.
И эти двое, чистые нутром,
С прозрачным просветленьем вглядывались
в лица.
И в храм вошли в смирении своём
Перед иконою «Державною» склониться.

Забытая книга

Московские жители прячутся в куртки –
Дожили до осени Царские дни.
С натруженных пальцев порхают окурки,
Уткнувшись в траву, как в кустарник карниз.
На лавочке кто-то страницы листает
Потрёпанной книги, что так дорога.
В ней буквы летят опалённою стаей
В солдатском порыве вперёд на врага.
Но вот он – автобус! И кто-то сорвался
В обычную жизнь, позабыв про войну.
И с книгой своей так обидно расстался,
И в спешку ушёл, как любовь в седину.
Как в память уходят военные годы,
Как вера уходит молитвою в храм,
Как женское счастье в вселенские роды,
Как в снежную холодность лиственный храп.
А книга лежит, и войною прошиты
Страницы любви и страницы огня.
И пусть они кровью солдатской политы,
Их смысл над Рейхстагом победой поднят.
Он поднят рукой утомленной молитвы
В снегах сорок первого – женской рукой! –
Чтоб русский солдат сквозь потери и битвы
Его водрузил над немецкой землёй.

Москва, отряхнув созерцание лета,
С терпением ждёт тёплый дождь сентября
С той книгой, забытой на лавочке кем-то.
Что ждет ласку рук, как Россия – Царя.

Сердца Царицынского парка

Забота Божия – московская забота –
Нужна, как воздух, сыну и отцу.
Хотя предзимняя простудная погода
К приходу Самодержца не к лицу.
А всё ж идёт народ по мокрому асфальту
В Царицынский роскошный Царский парк,
Где ветродуй выделяет сальто
И обжигает хладом дождепад.
«Какая церковь, пап, а пап, смотри!»
«Красиво...
Что, сын, зайдем?»
«Конечно, пап, зайдём!»
Они зашли, влекомые порывом,
Рождённым под безжалостным дождём,
Пока от сонной влаги горбится столица,
Пока в квартире топчется нужда,
Чтоб, как умеют, Богу помолиться,
Да в Божьем доме ливень переждать.
Дождь нервно жалил серебром и жмурил брови.
Излил тоску страдальца и затих.
В московском парке, вытканном
большой любовью,
Нашёлся уголок и для двоих.
Пусть ветер мысли холодит, знобит, курчавит,
Бьёт бешеной тоской в людскую грудь.
А парк Царицынский гостей своих встречает, –

Сюда приходят просто отдохнуть
Тогда, когда уже на всё охота плюнуть,
Не греет радость и гнобит тоска.
Церковное дыхание так нужно людям,
Как память, что желанна и горька.
И эта Божья каждодневная забота
Тревожит верой сына и отца,
Как в жизни Царское дыхание народа
Щемит простые русские сердца.

Корона Российской империи

Пусть пресса европейская купается во лжи,
А Русь крепка Российскою Короной.
Непобедим народ, который ею дорожит,
Как верующий воин дорожит иконой.
Мне кажется (Олег или Андрей, не в этом суть),
Его столица верою согрела,
И Родине навек в песках кровавых присягнуть
На верность своей честью повелела
В Афгане иль в Чечне. Война и там, и там
в крови:
Где льётся её боль, здесь и сражение.
Люби свою страну, солдат, да Бога не гневи
И защищай вселенский крик рожденья.
Твоя душа чиста, солдат, хоть пахнет
кровью стыд,
Ведь твои раны дорогого стоят.
И на пути твоём стоят кресты, кресты, кресты,
И горло душат материнским стоном.
Но ты, солдат, России сын, ты окунулся в страх.
(Андрей, или Олег, то знают звёзды).
Ты просто рано вырос из своих земных рубаш,
Из повседневной суеты столичной прозы.
И, взгляд свой к звёздам протянув,
ты смог, теперь ты смог,
И ты поверил в Свет, и принял Бога:
Взвалив свой Крест, отпил из чаши

горечи глоток,
Вкусив всю соль земли берёзового сока.
Колокола церковные разбудят тишину,
В сердцах людей поднимут обелиски,
Их звуки совесть обнажат, как годы – седину.
Поклон тебе, солдат, земной, российский!
Пусть пресса та безбожная помои в душу льёт,
Но Русь, вдыхая свежесть обновленной кроны,
Упрямой веткой святости сквозь лживость
прорастет,
Как Царское дыхание Короны.

Московский Спас

От Царских глаз до Спаса материнства –
На сей тропе народ Христов непобедим.
А Русский дух Божественным единством
И Богородицей в столетиях храним.
Храним Серёгой, Вовкой, Витькой, Петькой
(Да сколько верных их – защитников Руси!):
Таких семейных, но в сраженье первых,
Тех, кто любовь к земле от Родины вкусил.
Им нет числа, хоть корчится забвенье.
Есть только правда и в крови Господень
Крест.
И даже смерть героев – лишь мгновенье
На том пути, что указывает Божий перст.
Они идут на смерть за Русь и веру,
Чтоб Спас отеческой любви на крови
Не погрузился в денежную эру,
Что Православный мир унижить норовит
До уровня безропотного мула,
До самых горьких дум, что жгут колокола,
До той черты безумного загула,
Что меж убийствами и верой пролегла.
Зато Серёга, Вовка, Витька, Петька,
У Божьей Матери снискавшие тепло,
Перед Блаженным храмом хрупкой веткой
Склонят народный грех до самых куполов.

И пусть нас ждут в грехах приливы
и отливы,
Чтоб в Божьей Истине терпением дерзать,
Мир грешных судеб, окунувшийся в молитвы,
Сто лет с надеждой смотрит в Царские глаза.

Листва женщины

Смотреть, как падает листва – легко.
В ней Царская задумчивость шального века.
В ней шорохи Москвы текут рекой
В жизнь городского дня с рассвета до рассвета.
В ней вечный шаг людей, идущих в такт
Спокойно-нервную походкою с надеждой
В осенний опадающий аншлаг,
В то «бабье» летнее тепло с печалью грешной.
А женщина идёт с улыбкой так
Неторопливо, радостно и так блаженно
(Без тех вопросов: «почему да как?»)
В минутном отдыхе, что теплится душевно.
Её желание идти в листву –
Всего лишь долгий миг в той трудной доле
женской,
Что золотом вплетается в канву
Её глубинных глаз последним летним
жестом.
А мимо люди всё спешат, спешат.
Течёт река земных вопросов и ответов,
К своим грехам навстречу сделав шаг,
В объятья площадей и улиц, и проспектов.
В объятия всего и ничего,
Чтобы дотошно гнать судьбу по вертикали,
И заглушать проблем житейский вой
Рублём цепных надежд, враньём и кулаками.

А в той улыбке женщины есть свет.
И спотыкаются глаза об эту радость –
Об этот женский искренний совет:
Вкусить любовь, что и в беде дарует сладость
В дыханье осени в тот миг тепла,
Что так задумчиво в Царёвой ностальгии
Окутывает души, словно плат,
От взглядов Ольги и Натальи, и Марии...

Отпечаток совести

На улицах Москвы блеск листопадных
хлопьев,
Как слёзы Царские на памяти людской.
Трава готовится нырнуть под снежный
хлопок,
Ну, а дворы – в студёный холод с головой.
Готовится Москва, чтоб встретить своё завтра,
Искать грядущий день в сегодняшних грехах.
И растревожить грусть одним морозным
залпом,
Пройдясь по всей России в зимних сапогах.
Тепло людской любви застрянет в прошлом веке
От дома до метро, от спешки до проблем.
Застынет ворох чувств в продрогшем человеке,
Чтоб стал таким, как есть, а может быть, и злей.
Пусть в этой злости века хмурится погода,
И бьётся сердце выюги в трупах городов,
Зато светла душа российского народа,
Как светел окнами надежды каждый дом.
Как светел каждый день огнём осенней нови,
Опять скользящей в ночи звёздной чередой.
И эти искорки свободы ветер ловит,
И бьёт о землю увядающей волной.
Так башмаки спешащих мимо зло и веско
О лужи детства бьют, а путь лежит в снега.

Но сердце рвётся в жизнь, как в воду рвётся
леска.

Пусть вера православная порой туга,
В ней Божий человек находит утешенье,
И свет молитв несёт в многоэтажный дом,
Чтоб, стоя у окна, от звёздного свечения
Всю Царскую любовь почувствовать нутром.

Царский рубль

Усталость ноября привычно топчет лужи,
Толкая каждый день людей на этажи.
А ветреность листву в осеннем вальсе кружит,
Цепляя забытьём древесные кряжи.
Здесь Родина – она по Царски улыбнётся
Тому, кто здесь живёт, тому, кому нужна.
И одарит дворы голубизною солнца,
Чтоб закружился взгляд любви, как от вина.
Чтоб разошлись круги Монаршего потока
По площадям Москвы, по площадям сердец,
И чтоб иконок свет просил любви у Бога,
И продолжался бег резиновых колес...
Всё так, всё так, всё так. Всё в грех и всё
в прощенье.
Ну, а куда ещё? Ведь храм-то в двух шагах.
А чтоб в него войти, не нужно приглашенья:
Туда приходят все, чья доля нелегка.
Их поступь тяжела, но по крутым ступеням
Подводит к Алтарю смиренно имена.
И, может, в первый раз ворвутся в жизнь
сомненья,
И превратится в пыль давящая вина.
Хоть на короткий срок под дланью покаянья,
В поклонном отпущении грехов,
Не бросится душа в распутные желанья,
Отправившись в молитвенный поход.

И по Руси пойдёт надёжными шагами,
И к Небу обратит свой просветлённый взгляд.
И разбежится жизнь широкими кругами
По площадям страны до Царского рубля,
Чтоб он, срываясь с рук, звенел лучами света,
Орлом взметнувшись ввысь из всех
Монарших сил.
Чтоб лился Тронный звон его на всю планету
И верой жёг сердца по всей Святой Руси.

Подкидыш

Мирон подкидышем вырослел в чужой семье,
Не зная, что такое Божья милость.
Но, хоть, способностей особых не имел,
Молитвы втайне примерял на вырост...
Менялся город, как меняют «нет» на «да»,
Как настроение меняет время года:
То снег, то дождь, то листопад, то холода.
А до жары – весенняя свобода.
И день – в ручьях, и всё течёт, и жизнь творит,
Творит любовь, и набухают почки.
И напрягает мать капризный детский крик,
И мать беззлобно шлёпает сыночка...
Всё как всегда! Мирон лишь улыбнулся вслед,
И вновь был поглощён своей заботой.
Все мысли путались в такой весенний день
И множились предательской зевотой.
А он всё шёл в тепло Москвы среди людей,
Не замечая оживавший город.
Да только дрёму спутал наглый воробей,
Что закатил с сородичами ссору.
Ручьём рванули мысли. Появился смысл.
Ворвался город в вялые движенья.
Тогда пришлось Мирону сигаретой смыть
Блаженные дремотные мгновенья.
День возвращал весну подкидыша к семье,
К семье чужой, но принявшей, как сына.

Туда, где жмутся этажи спина к спине,
Как друг ко дружке тополь и рябина,
Да клён, а к ним кусты до самого окна,
Где век сиротский памятью отмерен.
И пусть вниманья Царского Мирон не знал,
Зато пригляд церковный ведал в вере.
И в ней выросл надеждами, страдал,
Бродяжничал, чтоб в совесть окунуться.
А дальше путь его лежал домой, туда,
Куда душе так хочется вернуться.
И говорил Мирон себе: «Да, я вернусь,
Куда б судьба меня ни заносила».
И этот дом его – была Святая Русь,
А по-другому – Царская Россия.

Холод надежд

У города особый колорит.
Когда он дышит сонной влагой листопада.
И этот Царский сон его бодрит
Всей грешной совестью домашнего уклада.
А холод с улиц в холоде квартир
Порой срывает чувства, бросив их в скандалы.
Потом обиды бьются о «прости»,
Как те ветра, что горной дурью бьют о скалы.
Ну, в общем, жизнь по нервам бьёт ключом.
И трудно Юрке наступать на те же грабли,
Подставив примирению плечо
Там, где ему по-настоящему не рады.
«Вот жизнь собачья! Чтоб её в качель!
А возвращаться надо (как противно, ёлки!)
В ту нищету без всякого «зачем?»»,
Чтоб снова склеивать семейные осколки.
Да, вспылчив он, а всё ж себе не враг.
Ведь он глава семьи, а не истерик.
И обругав себя, что сам не рад,
Идёт к себе домой, чтоб жизнь открыла двери.
В квартиру человек всей шкурой врос,
Ведь с детства в угол свой вырастает каждый.
А время, распрямившись, встало в рост
И дышит полной грудью, чтоб однажды
В московском небе, звёздами горя,
Молитвой веры шествуя в природу,

Свободное терпение Царя
Ворвалось в рабское терпение народа.
И как бы ни был Божий голод свеж,
Нелёгкая судьба размыта пудом соли.
Но город светел ветрами надежд,
Через молитвы с губ летящих поневоле.

Этюд в красных тонах

Желтеет городская жизнь и сыпется листвою.
Осенней дрёмой сыпется под ноги.
В ней Царская задумчивость погодой золотой
Вновь оббивает зимние пороги.
А вот рябина к зимушке готовится всерьёз,
Усыпанная ягодой душевно.
Пусть деревце то хрупкое, а оживёт в мороз
Плодами наливными вдохновенно.
И эти точки красные на белом – как огонь,
Как вечные следы войны и мира,
Ворвутся в память русскую, в нутро глазных
окон,
Чтоб уповала жизнь на Божью милость.
Чтоб не забылось прошлое сегодня и всегда;
Чтоб хрупкость веры совесть согревала;
Чтоб не ломалось в памяти наследство,
как слюда,
И в облаках тепличных не витала;
Не превращалась в ложь, чтоб правду
выкинуть, как хлам,
Забыв, зачем живём на этом свете.
Душе заблудшей и в аду крошечном нужен храм,
Как мир рябиной хрупкости – планете.
Под жёлтым одиночеством студеный ветер
свеж,

А хочется, чтоб был теплом ленивым,
И красный свет рябиновый в век городских
надежд
Был цветом не кровавым, а красивым.
Историю Отечества, хватая за нутро,
Как зуб, клещами тянет амнезия.
Ну, а когда Царь-батюшка вновь сядет
на свой Трон,
Расправит плечи матушка-Россия.

Застольная откровенность

«Что, Серафим? Задумался чего?
Хлеб преломи с друзьями, да и выпей с нами.
Избавь от всех морщин своё чело
Да выплесни, что накипело там, словами».
«Ну, что ж, друзья», – и Серафим присел.
И бросил взгляд в окно. А там Неглинка жила
Во всей своей расхлябанной красе,
И вдоль неё бегущим головы кружила.
«Полна копилка русской суеты!
Где воля Царского бессмертного народа?
Где искренность душевной доброты?
Где ожидание Господнего прихода?
Ведь только им жил русский человек,
Теплом надежд рождая искренность молитвы.
И в нём живёт духовный Царский век
От одиночества до вечной правды битвы.
Но даже в правде той таится ложь,
Ложь, разбивающая судьбы в век наживы.
Но во грехе народ бросает в дрожь,
В дрожь покаяния людей, что духом живы.
Да были б живы те, кто рвётся в бой!
В бой вечных споров, нагнетаемых веками
В тот городской надрывный непокой,
До злобной одури кишаший пустяками.
Как оторвать от этих пустяков
Быт нервных горожан? И разве в этом дело?

Ну, как тут обойтись без синяков,
Когда от нищеты жизнь болью пропотела,
И содрогнулась где-то там, внутри?
А шито то нутро российское не лыком.
И в нём любовь Божественно горит,
Коснувшись вековых морщин святой улыбкой.
Народ, вкусивший райского тепла,
Вздохнёт молитвенностью в ангельском
просвете,
Чтоб в суете Купелью проросла
Людьми отмоленное Царское столетье, —
Столетье, что встревожит Небеса,
И вложит млечный путь в церковную копилку,
Чтобы любовь творила чудеса.
Ну, так давайте выпьем за Неглинку!»

Венчание

Жизнь городская дышит непогодой,
Как Царь дышал перед расстрельною стеной.
И тот, чья доля из России родом,
Кровавый грех сиротский тянет за собой.
А кровь Царя молитвами не смоешь.
Но Викина молитва рвётся из души.
И может быть она порывом сможет
Сиротство горькое на время заглушить.
Хотя б в себе, хотя бы на надрыве,
Ворвавшись русским духом веры
в «Отче наш»,
Пусть в муках искупавшись, как в крапиве.
Но этот век сиротский – всей России страж,
Берущий свои соки от берёзы,
От древа, что Монаршим царством проросло
Сквозь нищету, сквозь смрад войны и слёзы,
Сквозь Викин женский век, что болью
занесло.
Под самый крик истошного молчанья,
Под самый нервный звон шальных колоколов,
В обычный день – в день своего венчанья
Она молилась, и от сердца отлегло.
А тучи небо пропитали гневом
И снежным ливнем хлётко сбросили наряд.
И задышала осень первым снегом,
Как вера Божия дыханием Царя.

Как та зима, что зябнет от накала,
В листе запутавшись, как пальцы в волосах.
А Вика окрылённая вступала
В союз, скрепляющий сердца на Небесах.

Столица мира

К груди рука прижала Божий знак,
И выдохнул Андрей сомнения свободно.
Взять себя в руки – это не пустяк,
Когда решимость веры Господу угодна.
И Царское вступление на Трон,
И то, что сам народ по жизни верит в это –
Угодно, как для сердца перезвон,
Чьим звуком чистым согревается планета.
Поверить в предсказания легко.
Легко... Но исполненья жать – такая мука.
В душе Андрей лелеет непокой:
Вот, чем крепка в умах Монаршая наука.
И в нищете, и там, где дышит ложь,
И в том безбожном, что витает над планетой,
Живёт Россия, как под бурей рожь.
И чуда в мире нет прекраснее. Ох, нету!
Да где ж то мировое «ох-ох-ох»,
Что даст Россия всем, молясь
по Божьей воле?
Мир от войны давно уже оглох,
И вся его судьба висит на русской доле.
Но память Царская в народе ожила,
Руками горожан скользнула в рукавицы
В морозном ожидании тепла,
Пульсируя душой Божественной столицы.

И растеклась заснеженной пургой
По скользким улицам в безумные раздоры,
Чтоб, вопреки усилию врагов,
Нести натальный свет в российские просторы.

Алёшкин сон

А во дворе детей – как тех забот,
Как Царских дел у матушки-России.
Она-то верит в грешный свой народ.
А сколь к тому приложено усилий!
Народ ещё болеет нищетой,
Считает в доме каждую копейку.
Зато по-русски дышит добротой,
Надев свою судьбу, как телогрейку.
Попробуй душу русскую сломить.
И не пытайся, мир! Себе дороже.
Пусть в Вечности наш путь – всего
лишь миг,
Но Господу мы дороги до дрожи
Своей непобедимой чистотой,
Своей любовью к памяти и к вере,
Своей землёй, что мы зовём Святой.
А значит, сквозь века российский терем
Из корня предков к Небу прорастёт
И вымолит у Вечности прощенье.
Как вымолил гитарный звук – полёт
Душевных струн Алёшкиного пенья.
Один балкон – одна судьба на нём.
И песня городских переживаний
С душевных гор рассыпанным песком
Летит в афганский вихрь воспоминаний...

Ночь на дворе. Певец уходит спать.
И снятся ему Царские дорожки.
И бережёт тот сон Россию-мать,
Как матушка-Россия сон Алёшки.

Полк Победы

Вздох Царского тепла
от мая сорок пятого
Ведёт в одном строю
Бессмертный полк.
И стук людских сердец
горчит победной ягодой
Девятого числа
из всех российских пор.
Горчит огнём Донбасс,
от взрывов стонет Ладога,
И рвётся в небо
славный Сталинград,
Чтоб миллионы душ
прошли дорогой адовой
Под знаменем
в тот самый Райский сад,
Что им дарует Бог
в просторах очищения,
В непрожитой любви
к своей земле.
И шаг, цепляя шаг,
твердеет от движения,
Чтоб в двадцать первый век
впечатать след.
След пламенной любви
в короткой биографии,

Который оборвал
предсмертный крик.
И взгляд, что в мир глядит
с семейной фотографии,
С потомками
о жизни говорит.
Лицо к лицу —
идут полки бессмертия
В одном
неиссякаемом строю.
И парень с девушкой
идут, шагами меряя,
Жизнь тех, кто подвиг свой
хранит в Раю.
И эти две души,
горя солдатской правдою,
Идут по главной площади
страны,
И их сердца горчат
победной ягодой,
И памятью её
опалены.
Победный марш страны
в веках увенчан славою.
На каждой фотографии —
герой.
Идут в строю Донбасс
и Сталинград и Ладога:

Святая Русь
И весь её народ.
Поток людской любви
покрыт небесной скатертью,
Которую для трапезы
приготовил Бог.
И оживотворяет
вечной светлой памятью
Весеннюю Россию
Царский вздох.

Пыль военных дорог

Строй держит твёрдый шаг военную
колонной —
По всей вселенной отдаётся этот шаг.
И будит русский смех стук сердца
учащённый,
И рвётся на Берлин молитвою душа.
В бою молитва та согрета Царской честью.
А плоть солдата греет каша в котелке
И хлебушек Руси, что заработал честно
Солдат, родившийся в российском уголке,
Ушедший воевать за русские берёзы,
За чистоту небес, за васильки в меже,
За тёрпкий вздох земли, за русские морозы,
За вечную любовь на Царском рубеже.
На этом рубеже мальчишка с рваной раной
Письмо солдатское отдал в последний раз.
Товарищу отдал. С улыбкой православной
Он тихо прошептал: «Я выполнил приказ».
В чужой степи похоронили парня скромно.
Солдатский сон его баюкает ковыль.
И, замыкая строй, военную колонной
Клубится вдоль дорог походным маршем
пыль.
Клубится на Берлин от песни и до песни,
От холмика в степи и до победных врат,
Под знаменем любви в руках солдатской чести,

Парадом на восход, парадом за закат.
Судьба солдатских ног, что вёрстами воспеты,
Сердца простых людей молитвой обожгла,
Чтоб рвался в небеса салютом клич Победы
Из всех застольных хат до Царского стола.

Заруби себе на носу

А Царские часы ещё молчат.
Торжественно молчат. Молчат по-царски.
И рубит горе нашу жизнь с плеча,
Греховность раздавая, словно маски.
Примериваем маски так и так.
И ложь вплетаем в правду так и этак.
Враньё для нашей жизни – лишь пустяк,
Как школьные тетрадки для отметок.
Отметки ведь исправишь, а враньё
Отметиной ужалит нашу совесть,
В бараний рог безжалостно согнёт.
Не за не правду, нет, за нашу подлость.
И в этой жизни, как её ни обеляй,
Что, может быть, простится малолетке,
Нам не исправить с самого нуля,
Ведь совесть не подгонишь по отметки.
От червоточины пред Богом помолись!
Да помолись так, что тебя прижало.
Что для народа твой собачий писк?
Так, может, через веру для начала
Загонишь в память прошлые грехи,
Покаешься, листом сорвавшись с ветки?
Пуškai отметки совести плохи,
Ну, уподобься боли малолетки.

И может, стоит с совести начать,
Чтоб быть тебе не склочным и не мелким?
Любви российской сохрани очаг,
Чтоб вздрогнуло дыханье Царской стрелки.

Царская звезда

Под Царскою звездой светлеет Царство.
Пускай его порыв туманит жизнь рублём,
Но нет в нём ни на грош того нахальства,
Что так пропитан мир пульсирующим днём.
В том пульсе нет души и Божьей жилки,
А есть в нём грязь и смерть. А смерти нет конца.
И рвут людей кровавые картинки
В объятиях потерь, а объятиях свинца.
А, вот, Иван глядит на мир по-царски.
Светла его душа, как светел Божий лик.
Он тишину готов делить по-братски,
Хотя на жизнь ворчит порой, как тот старик.
Пусть не проста его дорога к храму,
А кто в сердцах сказал, что к храму путь
простой?
В безверии зализывают рану,
Да в тех молитвах – страх, а веры никакой.
Для мужика важней, рванувшись к свету,
Любить свою Россию, коли башковит.
Хоть людям до Ивана дела нету,
Он их свинцовый век по совести кроит.
А русский человек душою жилист,
И жилкой Божией готов держать удар.
Так, может, для него в российской жизни
Сверкнёт лучом надежды Царская звезда.

Андрейкино детство

Деревенька прижалась к лугам
И уткнулась в речушку души.
Глянь! Андрейка несётся к стогам
В самом центре российской глуши.
Он без страха бежит босиком,
Как и предки в прошедших веках.
И подкатит любви Царский ком,
И заблещет слезой на щеках.
Горлом вырвет слова к небесам,
Обнажит до краёв детский слух,
Прикоснётся теплом к волосам,
Хлебным златом покрыв русский дух.
Глянь, братишка, как здесь хорошо!
Слышь? Кузнечик звенит в тишине.
А в берёзовой роще свежо
Скачет ветер на летнем коне
И теряется где-то во ржи
По полям, навевающим лень.
Глянь, мальчишка бежит и бежит
Босиком по российской земле.
Смех Андрейки летит сквозь века,
Разбудив деревенскую ширь,
И, с разбега задев облака,
Рвётся сердцем в речушку души.

Светлой грустью застыв на губах,
Русский вечер теплом закружит,
И растянется в Царских стогах
Деревенская звёздная жизнь.

Дорога души

Ветерану-афганцу святыне слова
В разговорах бросать ни к чему.
Он за Царское слово в горах воевал,
Что от дедов досталось ему.
Гимнастёрку под солнцем в боях просолил,
Не считая протоптанных вёрст.
И стенания душ, тех, кого хоронил,
Его память в дорогу зовёт.
Придорожный ручей рвётся вздохом в поля,
В золотую бескрайнюю Русь.
Сердце выюгой душевной пускается в пляс
И стучится томлением в грудь.
Все погибшие братья шеренгой стоят!
Помянуть бы да свечку зажечь...
Вдруг слетела с волос поседевшая прядь,
Как усталость с натруженных плеч.
Распрявился душой и ребят помянул,
И зажглась в Божьем храме свеча.
Сбросил воин свой грех, а за ним и вину,
Что лежала крестом на плечах.
Он забылся на миг боевой дремотой
Там, где лица порывом горят.
Он за жизнь зацепился больною душой,
Словно память его за ребят.

Как бы ни была сердцу дорога близка,
Пыльной лентой бегущая прочь,
Утомлённое солнце пошло на закат
В деревенскую Царскую ночь.

Ниточка земли

В Царском пламени разнежилась листва.
Дышит ветреной прохладой гармонь,
Чтобы сердцем гармонист не горевал,
Коли совестью до ниточки промок.
Коли вера оголённая молчит,
Как до времени молчат колокола.
Коли раною война кровоточит,
Натянув семейной жизни удила.
И несётся по селу мат-перемат,
В пересуды растекается молва.
Но молитвами живёт старушка мать,
В печь любви бросая мысли, как дрова.
А душа полётом клавиш плавит лёд.
Совесть грешника раскаяньем болит.
Значит, Русь смиреньем матери живёт,
Пока в сердце бьётся ниточка земли.
Пока в небо рвётся стая голубей
Взглядом памяти до самых облаков,
Беспокойно оглянувшись на людей,
Неумело перекрестится любовь.
Но когда ослабнет пульс людской молвы,
И молчаньем вздрогнет старая гармонь,
В Царском шорохе разнеженной листвы
Вдруг задышит колокольный перезвон:
Дон-динь-дон...

Хруст любви

А судьба односельчан у всех одна:
Царским утром перекрестится душа,
Закружит да Бога вспомнит у окна,
И пойдёт своей дорогой не спеша.
Помолиться бы да в церковь заглянуть...
Но дела всё оставляют на потом.
Ну, а если примешь лишнего на грудь,
Боль Вселенскую почувствуешь нутром.
Повернёшься, развернёшься – и пошёл!
Да вприсядку за разгневанной душой.
Ох, горит она, когда до нитки гол
Захмелевший неприкаянный изгой.
Хоть часами он собачится на жизнь,
И в который раз «не пить!» даёт зарок,
Но рука его предательски дрожит,
В храме Божьем зажигая огонёк:
Чтоб молитвой усмирить душевный хруст,
Под зубовный скрежет чтобы не завывать,
Чтобы сердце обожгла Святая Русь
Так, чтоб дрожь прошла до пяток с головы.
И пока глаза любви односельчан
Загораются надеждой от свечи,
Неба синего Господень океан
Рассыпает в души царские лучи.

Подсолнух правды

Лежит подсолнух на дороге. Спит подсолнух.
Как будто брошена под ноги чья-то жизнь.
Как будто в пыль швырнули Царскую корону,
Да так, что совесть всенародная дрожит.
Дрожит от самого начала до прощенья,
Дрожит деревней, захлебнувшейся в беде.
И разбегается народ от униженья,
Как те круги, что разбежались по воде...
А Ванька – тот, забив на всё, безбожно
дрыхнет.
А на столе лежит отрезанный ломоть.
И хата – ох! От перегара скоро вспыхнет,
А стервеца, похоже, некому пороть.
Да и пороть-то бедолагу – много ль толку?
Работы нет, а что была, давно пропил.
Вот и дичает, погружаясь в самогонку,
От материнского прощенья – дебил.
И урезонить-то здесь некому оторву,
Ведь в деревеньке-то – сплошные старики.
А тут ещё на рынке продали корову,
И разбежались в глотке пьяные круги...
Он во вранье своём пред совестью спалился.
Когда очухался, в церквушку полетел.
Перед Распятъем на колени встал, взмолился
За стариков, за мать. И был в молитве смел.

Поверь же в чудо, наконец, коли не олух,
И, осенив себя крестом, удар держи,
Ведь деревенька без Царя, как тот подсолнух,
Как тот отрезанный ломоть. А вера – жизнь!

Сиротское сито

С чистого листа начать не просто.
Спит деревня в Царском забытье,
Боли нахлебавшаяся вдосталь,
Что даётся горем сироте.
Сирота казанская, тверская...
Мало ли сирот-то на Руси?
Но везут свой век, как та гнедая,
Через сон болотистых трясин.
Через гнев везут любви тропую
От самой войны до Кузьмича.
Он поник седою головою,
Полыхнув дремотой, как свеча.
Как надежда в благости сиротской,
Жаждающей молитвы всей душой,
Той смоленской, псковской, вологодской,
Что ведёт сквозь время за собой
Через сито войн к родному дому,
Что теряет признаки жилья.
Но Кузьмич помысли по-другому:
«Без сиротской веры нет житья».
Ведь любовь к России есть и будет –
За неё Кузьмич и воевал.
Воевал за боль сиротских судеб,
Разгребая совести завал.

Веру не поставить на колени!
И склонится с чистого листа
Царская задумчивость деревни
Перед вечной милостью Христа.

Колыбель любви

Дорога без начала и конца
По Царской воле к Богу пролегла.
Сорвав тревогу с потного лица,
Скользнула в жизнь, как с дерева смола.
А путник ни о чём не пожалел.
Воспоминая бросил в пыль дорог.
И он пошёл по ним — он так хотел! —
Сквозь деревеньки, полные тревог.
Он старцем стал! Теперь над ним лишь Бог.
В его морщинах светит доброта.
Он многим Божьей мудростью помог
Словами, накопившими лета.
На «много лета» тянется судьба,
И светлой тенью глаз разлита грусть.
И протянулась совести тропа
На всю великую Святую Русь.
И в ней спокоен он своей мечтой:
Пройти, увидеть, выслушать, понять;
Встряхнуть своё незнание сединой;
Забыть про дом, про отдых, про кровать.
И, потакая ветрам и верстам,
По матушке-России прошагать,
Отдавшись воле Божьей и кострам,
Что нагадала в детстве ему мать.
И, оторвавшись вздохом от стола,
Смахнув рукой сомнения с лица,

Пролился светом жизни, как смола,
В людские обожжённые сердца.
Усталость, прокопчённая в пыли,
Сквозь деревеньки к сердцу пролегла.
Знать, путнику судьба благоволит
Идти к восходу Царского тепла.

Солдаты ревности

Святую Русь отстаивать не шутки ради
Уходят в пекло рядовые сыновья.
Пусть опасность впереди, но дом-то – сзади.
И в доме том родном любимая семья.
Они взрывают грозным кличем воздух славы,
Ногами втаптывают в землю жизнь врага.
И в озверелости своей, наверно, правы:
Ведь дом есть дом, а вера Царская крепка...
У Мишки всё, как у людей: своя деревня,
Своя берёзка и речушка для души.
Своя любовь к своей стране, и даже
ревность.
Он в этой ревности к земле непогрешим.
Он здесь родился и вращался корнями
в память.
А ведь у памяти крестьянской русский дух.
Он на войне взял в руки боевое знамя,
Хотя, казалось бы, с младенчества пастух.
Но, вот, любовь к своей стране прошита
долгом.
Прошита честью, – тем Россия и крепка.
А в сердце плещется речушка Божьим
шёлком,
И шум берёзки сердце трогает слегка.
Пока трепещется молитва еле слышно
Разгорячёнными губами сыновей,

Их подвиги бессмертны, и как вишни
На землю падают слезами матерей.
Пока вымаливает Русь глоток прощенья,
И кровь народная по-русски горяча,
Столетней жаждою готовится деревня
Принять любовь России с Царского плеча.

Трава надежды

В небо ласточка взметнулась добрым
взглядом,
И земля взмахнула ангельским крылом...
И хотя в хозяйстве дышит всё на ладан,
Прожигает жизнь Семён, как утюгом.
Прожигает жизнь свою тем безразличьем,
Что в сиротскую судьбину наплевал.
Опустился во грехе до неприличья,
От душевного молчанья одичал.
И ворчанием своим испугнул соседей,
Кроме девочки, что сжалилась над ним.
И любовь вдруг потянулась к непоседе –
К той берёзке, что сошла с его страниц.
Пожалела и зажгла лучину сердца,
Неосознанно, но как-то по-людски.
И не стала жизнь его такой уж серой,
Да и страхи не давили на виски.
Завертелась нежность новою пластинкой,
Разлилась по жилам русской тишиной,
Залетела в глаз непрошеной соринкой
И смахнула стыд дрожащею рукой.
А вокруг звала трава своим простором,
И желанье жить, набравшее разбег,
Захлестнуло совесть грешника укором.
И, взмахнув косой, он жизнь рванул к себе.

А земля свою любовь дарила потом.
И пока он по лицу стекал ручьём,
Царской ласточкой взлетев над сельским
полем,
Ангел юности махнул ему крылом.

А всё-таки живой!

Несут колёса санитарный поезд
В тыл Родины, подальше от войны.
А в поезде ведут солдаты споры
И видят раздирающие сны...
Воспоминанья обжигают раны,
В испарину бросая Витькин лоб.
Но ведь живой! Родные будут рады.
Да и соседи скажут: «Повезло».
Вот, только деревеньки больше нету –
Фашист проклятый сжёг её дотла.
А на судьбу хоть сетуй, хоть не сетуй,
Смерть Витькину молитва отвела.
Хранила в Сталинграде горемыку.
Скрутила память Курскою дугой,
Да так, что до сих пор не вяжет лыка
От страха искалеченной душой.
Молчит, молчит, да бросится в кошмары.
Мычит чего-то, – разве разберёшь?
И только пальцы рвут струну гитары,
Да так, что и бойцов бросает в дрожь.
Без костылей не сделает и шага,
Ведь списан начисто солдат с передовой.
И лишь, молитвой душу утешая,
Себе не врёт: «Ведь, всё-таки, живой!»

А поезд мчит, и сон качает полки.
И кровь Победы пролита не зря.
Ведь честь России и понятие долга
Ведут своё начало от Царя.

Рубаха греха

Затерялась в глухой деревеньке
молитва монаха,
Как потеряна вера российская
Царской души.
И не сшита для русского слова
такая рубаха,
Чтобы русский мужик, примеряя её,
не грешил.
И пускай в едкой жизни семейной
доходит до ссоры,
Трёхэтажную бранью срывается
в бешенство грудь,
Но нельзя на колени поставить
мужицкую совесть,
Пока есть за спиной христианской
великая Русь.
За «бугром» содрогается мир
от животного страха,
А российская жизнь тонет в гневе
казённых речей,
Но рифленое слово любви
примеряет рубаху,
Чтоб не мёрзла под русской кольчугою
Царская честь.
Чуть прикрыты туманной завесой
столетние веки,

Но сквозь сон пробивается к людям
прощённый огонь.
И свободно текут в небеса
колокольные реки,
Вырываясь за скорбные чувства
земных берегов.
Прорывается нищенский век
деревенского «аха»
В сердобольный простор хлебосольной
российской глуши.
И в сердцах зажигаются свечи
молитвой монаха,
Поднимая их лестницей Царской
к созвездьям души.

Парни русские

Олег, Семён, Сергей, Антон –
простые парни русские
Отмечены на жизненных часах.
Бедовые, степные, весёлые и грустные –
Во все века звучат их голоса.
А песня деревенская за песней
журавлиною
В просторы древнерусские звала,
Где боль не покрывает пыль
тоскливою рутиною,
Пока народной мудростью светла.
Летит в просторы памяти
берёзовую рощею
В мозолистых военных сапогах.
Через молитвы русские
скользит грехами ощупью
В бескрайние сердечные луга.
А в тех лугах нескошенных
таится скорбь народная,
Берущая от веры свой разбег.
И родниками Родины
струится мысль свободная
В свой золотой, в свой деревенский век.
И у певца всё сложится
по правде и по совести,
Пускай он только с песнею в строю

За волей журавлиною
идёт по краю пропасти,
И да не дрогнет в праведном бою.
Но встанет храбрым воином
перед врагами внешними,
Пройдёт дорогой деда и отца,
И той отцовской верою
растопит души грешные,
Согреет воспалённые сердца.
Иван, Андрей, Петро, Демьян –
в веках сыны российские
На боевых курганах полегли.
И, в смерть взлетая соколом,
Далёкие и близкие,
За песней отрывались от земли.
Чтоб песня деревенская
искрилась Царским пламенем,
И в Царство Православное звала.
Чтоб и в беде, и в радости
согрет был Крестным Знаменьем
Источник журавлиного тепла.

Твердь земли

Царь – это Царь! И он хранит
ту твердь тепла,
что в человеческой злобной гуще
Из горечи бросает в смех.

Земля хранит траву, деревья
и цветы.
И пусть её от боли плющит,
Полна любви для каждого и всех.

Крестьянин молится душой
за урожай,
за дождичек: ведь жить-то надо.
А вере руки надобны самой.

Такие руки, что землю
берегут,
её теплу, как дети, просто рады,
Вбирая в пальцы солнечный покой...

В себе погряз Вадим. Его отмолит
труд,
ведь чувствам надобен порядок.
А людям нету дела до него.

Вот так он и живёт, и этой жизни

жгут
его года сжимает к ряду,
И чувствами он перед миром гол.

А, вот, земле он мил, как
и земля ему, —
он ей согрет, он дышит ею.
И руки сами тянутся к земле.

От своей жизни ничего
уже не ждёт:
Живёт забытой тенью.
Но людям дарит радость, словно хлеб.

И в грудь вдыхает дух, российский дух
хмельной,
и радость светлая лучится,
И тихо напевается мотив.

Лень не терзает плоть, и сердце бьётся
в такт земли
зажжённой лучиной.
И можно потом душу отвести.

И в том порыве забывается
печаль,
и одиночество уходит.
Прощается вся чёрствость сыновей.

И о прощении, единственном
для всех,
Россия Бога молит.
А рядом нежно дышит соловей.

Земля, как «Отче наш»,
Божественно тепла.
И это – Царское начало
В крестьянском взгляде русской наготы.

И пусть земля от всех невзгод
и материнских слёз
под солнцем одичала,
Светла она от Царской доброты.

Воздух совести

Бедны дома без Царского пригляда.
Старинная церквушка доживает век.
Но золотится осень от наряда
И ветрено срывает листья с век...
За тишиной не сладко Еремею
Ворочать холостяцкую судьбу.
В переживаниях теряет меру,
И тащит их на собственном горбу.
Есть женщина, да не зовёт под крышу.
А та, что любя, замужем давно.
Забился в сонных стенах серой мышью,
Гниёт от дум, как старое бревно.
Но не даёт ему завязнуть в боли
Мельканье в небе белых голубей.
От взмаха крыл восторгом сердце колет,
И на душе становится теплей.
А голуби летают и летают.
А он свистит на весь российский век.
И жизнь стоит у горла налитая,
И брызжет силой из набухших вен.
А дальше – всё! А дальше жизни нету.
Никчёмным одиночеством потей.
Зарядит дождь, и осень рвётся к снегу
Ветрами – в первозданной наготе.
Порой на сердце так накатит
Разгульной хмарью кинуться в полёт.

Да, совесть просыпается некстати,
И сделать шаг желанный не даёт.
А совесть Еремею – не игрушка.
Пусть воздух напряжением распух,
По временам старинная церквушка
Вздыхает над деревней Царский дух.

Русь блаженная

Болото жизни

Тропа войны – тропа судеб российских.
Затерянный в болотах боевой отряд
Ушёл из окруженья «по-английски»,
Измученной душой перебирая мат.
Перебирая всё, что не случилось.
А что случиться может, нечего гадать.
И уповает всяк на Божью милость...
А Вовка раненый – вдвойне хандрит солдат.
Ему бы в бой, а он в болоте чахнет,
Валяется без сил на твёрдом пяточке.
Подняться в полный рост уже не чаёт,
Цепляется за жизнь, как рыба на крючке.
Вокруг вода и топь. И небо, небо!
Одно, громадное (да жаль, что в облаках),
Парящее меж нежностью и гневом,
Замешанное солнцем на семи ветрах.
И вечность эта душу очищает,
И совестью штормит тысячелетний бег.
Да, на войне ведь кто-то погибает,
По-русски оставляя память о себе.
На сердце Вовки смрадная тревога,
Похожая на жжённый матерный запой.
Но вьётся Царской пахотой дорога
Через болото к жизни – воинской тропой.

Русь блаженная

Душа душой, а в деревенской жизни так:
Без Царской милости не клеятся дела.
Один сплошной развал, разгул и маята.
И выметает блажь бедовая метла.
Весь мусор из души метёт язык,
По совести, но хамством да навзрыд.
И всякий проходящий на святошу – зырк,
И враз по матери обхять норовит...
Илья, Илья! Глупец, блаженный, сукин сын.
Речёшь ты правду, весь оборванный, седой,
Немытый весь, обросший, Божьим
словом сыт,
И от любви к другим хмельной.
Скажи, чего тревожишь души-то, мужик?
Что не живётся в отчем доме, как другим?
В глаза заглядываешь, а смущаешь жизнь.
С какого же рожна ты сделался таким?
Но ты всех любишь, а в любви обиды нет.
К груди прижал потрёпанный молитвослов
И шепчешь «Отче наш», и льётся Божий свет
На всю Россию, на судьбу её сынов.
Когда душа судеб поднимется с колен
И деревенский сон смахнёт наверняка,
Тогда тепло земли ворвётся в Царский плен,
Согрев сердца блаженным словом мужика.

Блуд и стыд

Стыд плещется в грехе, как листья в ветре.
В святом источнике черпают пальцы крест.
А вот характер деревенский не измерен,
Как не измеряешь шагами Царский лес.
Как не измеряешь простором птичий
гомон,
Как не измеряешь любовью ширь полян.
А для Алёны этот мир зовётся домом,
Когда с утра она бросает взгляд
На эту самую тревожную Россию,
На эту самую бескрайнюю любовь,
Чтоб задохнуться в чувствах хрупкою
осиной
И приподнять слегка натруженную бровь.
И растворится в этом шёпоте и стоне,
Чтоб расплескать улыбку девственной
мечты,
И преклонить колени в искреннем поклоне,
Сорвав цветок своей душевно наготы,
И, жизнь сиротскую свою слезами меря,
Остаться женщиной, замужнею вдовой,
И сыновей поднять, любя, надеясь, веря,
И после смерти мужа быть ему женой.
Но всё смешалось: блуд, раскаянье и вера.
А завтра в храме Божьем выплеснет слезу.
И пусть в душе кипит разгневанная сера,

Согреет лес окоченевшую лозу.
Пускай свой зуб от нищеты сомненья точат,
За волей Царской спрятан ветер перемен.
В людской греховности забьёт святой
источник,
И будет Богом Русский Царь благословен.

Сладость зачатия

Грязь столетия никак не засыхает,
Разъедаая деревенское нутро.
И столетье Царской памятью вздыхает,
Нажимая боль народа на курок...
Давят, давят материнские невзгоды
Пелагею, втоптывая в грунт,
Властью страха закупоривая роды,
В долгих схватках утрамбовывая грудь.
Пусть же криком разродится жизнь
младенца!
Пусть же будет поросль новая крепка,
И проникнет детский крик в глубины
сердца!
Пусть же будет радость матери легка!
Как легка земля, вращающая жизни,
Как вселенная российской доброты.
Пусть на кончиках ресниц слеза повиснет
Не от горя – от молитвы ко святым.
Пусть исчезнут все враги Руси, а с ними
Пусть рассеются все те, кто сеял страх,
Чтобы в чаде, в мир вошедшем, зрело Имя,
Имя Сына Бога вечного – Христа.
Окунувшись с головой в прозрачность лета,
Стоит Царским ожиданием дышать,
Чтоб, стряхнув с подошв людскую грязь столетья,
Шла в Святое Царство русская душа.

Гладь прощения

На руках качает Русь любовь вселенскую,
И теплом её прогреты все века.
Царским вздохом разделяет радость детскую,
Чтоб вспахала жизнь крестьянская рука...
Жизнь, однако, у Кирилла бестолковая.
Безнадёга!.. Сыновей забрала мать.
Быт поэта (что сказать?) игра рисковая,
Вот, на близких и приходится орать.
А потом гнобить себя за всё обидное:
Хоть винись, хоть не винись, а толку нет.
Ведь прощением не склеишь чувство битое,
Чувство буйное, когда летишь в кювет.
Раздражение, безденежье, отчаянье...
А жена ушла, забрала сыновей.
И стихи, чем дольше ссора, тем печальнее.
Вот, и тащишь крест греха, как муравей.
Да в поля, да в перелески, в рощи – волоком,
По земле родной, по матушке-земле.
Ты летишь в стихах то вороном, то соколом,
А в быту плетёшься, словно пьян и слеп...
Но жена простит головушку бедовую,
Как бы доля её ни была горька.
И утешит чувством злобу бестолковую,
Ведь жена – она даётся на века.

И под солнцем возродит любовь вселенская
То тепло, что убивает холода
Там, где пашенная совесть деревенская
Взмахом Царским рассекает гладь пруда.

На Большом Каретном

А на Большом Каретном людно, как всегда.
Московский день согрел молитвой Царский
улей.

И цепь машин, швыряя рёв туда-сюда,
Спешит, врываясь в тишину дворов и улиц...

Сидит во дворике на лавочке семья,
И вся возня Москвы её не раздражает.
Глава семейства, сигаретою дымя,
Чего-то женщине доказывает с жаром.

А у супруги нервы ходят ходуном.
И на детей сливает то, что накипело.

Ведь на плечах её работа, школа, дом,
И ей порядком это всё «осточертело».

И за скандалом в нервах корчится скандал,
И брани столько, что, какое примиренье?

Мужчина в ярости «паршивцам» наподдал,
В глазах своих детей посеяв отчуждение.

Жена срывается на крик: «Ты что творишь?
Ты что, совсем ополоумел, бестолковый?
Сейчас же брось свои замашки, дятел, слышь?

Совсем тупеешь от причины пустяковой».

И пусть в грехах ей предназначено судьбой
Заметить то, что никогда не замечала,

На все обиды, как всегда, махнув рукой,
Вздохнёт молитвенно и всё начнёт сначала.

Несутся чувства, от усталости дрожа,
Московским днём стремятся к старости
безбедной,
Где на Большом светлеет русская душа,
Чтобы Царя дожидаться на Каретном.

Патриаршие пруды

По утру тротуарному
идут фигуры сонные –
Их Царская задумчивость томит.
А от дождливой сырости
вдруг станут раздражёнными.
Там, где проблемы века, там и быт.

Вот, старый бомж любитесь
прудами Патриаршими:
Ему ведь просто некуда спешить.
Лицо от ветра морщится
морщинами вчерашними,
Как от теней закатных грудь вершин.

И взгляд пропитан памятью,
той гладью Патриаршею,
Что чувства старика бросает в сон.
И сердце воспалённое
чернит военной сажеею.
А душу лечит колокольный звон.

И полынья дремотная
роняет кепку под ноги.
Роняет свою боль к людским ногам.
А люди сердобольные,
от напряженья потные,

Бросают в кепку мелочь старикам.

Бросают, как положено,
с той добротой обидною,
Что в горле одиночеством першит.
И, растворяясь в мелочи,
со скоростью завидною
Толпа покинуть нищего спешит.

А день идёт, как водится,
часами и минутами,
Как боль бомжей дремотою до звёзд.
И вера православная
тревогами разутыми
В глубины Патриаршие зовёт.

Зов колокольной памяти
В погоду непроглядную
Идущим в век пытается помочь.
И Царская задумчивость
Грустинкой листопадною
Вплетается неуловимо в ночь.

Дуга

Без Царской памяти, какая ж это память?
У Русской памяти – Романовская кровь,
Уже пролившая Божественное пламя
В безбожное столетие своих сынов.
Но кровь, пролитая во имя славы русской,
Сквозь боль по-прежнему России дорога.
Мы заплатили за неё Дугою Курской,
Нас гнула голодом блокадная дуга.
Но терпеливо ждёт народ своё прощенье.
А память – это очищение от грехов.
С любовью Царское свершится возвращенье,
Коли народ к прощенью Божьему готов.
Готов нести своё достоинство и славу.
А значит, были все страдания не зря,
И значит, в муках заслужил он своё право
Поставить свечку в Божьем храме за Царя.
Пусть верой Царскою кроваво зацепилась
За душу Русскую столетняя дуга,
Но в искупление Русь войне не покорилась,
Когда её коснулась Божия рука.

От плоти плоть

Любовь к Царю – народная любовь
От края Русской веры и до края.
И к той любви Помазанник готов,
Готова и Россия золотая.
А значит, благодать сулит Господь
Наследнику Романовского рода.
Ведь, Царская любовь – от плоти плоть
Великого российского народа.
Пусть во грехе, но он живёт в любви
К своей земле, к корням российской славы,
Пусть и виновный в Царственной крови
В тот чёрный день расстрела, в день
расправы.
Но разве может Русская душа
Остаться к этой смерти равнодушной,
Спокойно спать, спокойно жить, дышать,
Пока народной совести так душно,
Пока Крестом несёт опальный груз
От края русской доли и до края?
И, всё-таки, страдающая Русь
Ещё греховна, но уже – Святая.
Взметнулись звоном в небо купола,
Расслышав покаяние народа,
Ведь Русская душа в любви смогла
Согреться верой к Царскому приходу.

Две дороги

По дороге, по дороге, по России да пешком
Веру втоптывали в землю наши ноги.
Боль терпением богата, да катились кувырком
В революцию солдатские дороги.
Только правда вдоль дорог тех гнила заживо
в пыли

Да в безбожных муках Царского расстрела.
Злоба рвалась на просторы, разрывая глотку:
«Пли!»,

И обугливалась совесть оголтело,
Лишь бы память не вопила за убитого Царя,
Лишь бы души не стучались в панихиду,
Чтобы стало для России больше нечего терять,
Упустив кончину Царскую из виду.

Мы бунтарской той похлёбки нахлебались
до чертей,

Наорались всласть: «Даёшь!», – лужёной
глоткой.

Доорались до неверья ради собственных идей,
Забивая рты безбожием и водкой.

.....

По дороге, по дороге, через тысячи смертей
Льётся кровь народа к Царскому Престолу
Ради жизни, ради веры, ради собственных детей,
Чтоб душа рвалась к Божественному стону.

Чтобы ноги наших внуков завернули в Божий
храм,
Чтоб слышал Бог мольбы земных страданий,
Чтобы весть летела птицей, растекаясь по домам,
О прощении людских переживаний.
Чтобы вера, встав с коленей, доблесть выстроила
в ряд,
Отдавая честь российскому простору,
Чтобы русские солдаты воевали за Царя,
Приклонив колени к Царскому Престолу.

Невод

В головном уборе неба
Вечер дышит синевою.
И ныряет звёздный невод
В Русь ночную с головою.
И секундные плетенья
Судьбы грешные вдыхают,
И ни капли осуждения
Там, где чувства отдыхают.
А глаза мальчишки смотрят
В эти самые секунды,
Увязая в звёздном море,
Как в снегах глубоких – унты.
От такой духовной пищи
Душу трогает тревога,
И мальчишка сердцем ищет
В небе Царскую дорогу.
И дыхание народа,
Что блестит в холодных звёздах,
Всероссийской кровью рода
Закипает в лунных гроздьях.
А секунды монотонно
Так и тают в этом море.
Ну, а он заморожено
Все на небо смотрит, смотрит.
Смотрит в небо, словно в книжку,
В век греховности народа.

И готовит Бог мальчишку
Верой к Царскому приходу.
И сердечко, словно струны,
Светлой радостью забьётся,
И невольно взгляд, столь юный,
Царской воле улыбнётся.

Поцелуй

Наш ум, да и душа, в историях любых
Запоминают каждое мгновение.
Влюблённый человек готовится любить,
Когда влюблён до умопомрачения.
Его любимая – душевная стезя:
Она всегда так царственно желанна.
И пусть в своей любви он огненно озяб,
Вкусна в грехах Божественная манна.
А звёзды шепчут, шепчут звёзды:
«Ты любим».
И он им шепчет: «Я к любви готовлюсь.
Готов! Ведь делит Бог любовь между
людьми,
Меж миром и войной, и вечной болью.
Влюблённый человек влюблён, как ни крути,
Летает в облаках, пока есть время,
Пока тот райский миг на жизненном пути
Не ляжет на плечах его, как бремя;
Как бременем лёг на Россию Царский крест –
На плечи русские народной болью.
Любовь была к Царю, и был его арест,
И выстрел, что нарушил Божью волю.
Но, вот, любовь Царя толкает в грудь сердца,
И учит их всегда любить по-русски...
И Царский поцелуй касается лица,
И вечная любовь томится Русью.

Первый шаг

Когда надежду вымоешь теплом,
Как будто взглядом вымыл хмурость неба,
Все мысли, что несутся кувыркком,
Утонут в чувствах, словно город в снеге.
Задышит город снежной теплотой,
Укрыв осенний зуд московских улиц,
И пробежит зеркальной слюдой
Морозец, спрессовав сугробный улей.
И выйдет беспокойное дитя
На это поле снежной паутины,
И будет мять историю, шутя,
Походкой бодрой, словно смех рутину.
Пусть выжигала Царскую любовь
Калёным строем эхо революций
И в материнский ужас билась лбом
Трибунным кличем пламенных инструкций,
И сыпалась осколками надежд
По всей стране, по всей земле Российской,
Но не сдавала вера свой рубеж,
Московскому дитя до боли близкий.
Дитя страны впечатает свой след
В историю заснеженного поля,
Чтоб перемены вырвали с колен
Российский век, о чём так люди молят.
В тот славный век юнец проторит путь,
Ведь он же русский – русский, слава Богу!

И пусть ещё малыш, ну, что же – пусть!
Зато вступил на Царскую дорогу.
Своим рождением был благословен,
Ворвался в жизнь крещёным плачем века,
Перед иконой Божьей встал с колен –
И сделал шаг большого Человека.

С нуля

В людской низине стелется тепло
Туманной облачной завесой.
Дом революции готовится на слом
С хрущёвской коммунальной прессой,
С бездарным порождением нищеты,
Как «три в одном» в той чашке кофе,
Что действием не приемлет суеты,
Как Царское дыханье профи.
Но Царь придёт не к власти, а к любви,
В свои российские просторы,
Своим народом преданно любим:
Его надежда и опора,
Его неугасающий огонь
Сердец и душ в свече церковной.
А весть летит молитвою благой,
В сердца стучится правдой кровной...
Но рвётся пыль обиды в грешный мир,
В нетрезвую судьбу Ивана,
В его «по матери» рифленный пир,
В безбожное гнильё обмана.
Но он Иван, он русский сын земли,
Её защита и опора.
Он с памятью страны не разделим,
Как с верой Царские просторы.
Ради неё он поднимает меч,
И в бой идёт за правду и Отчизну,

За теплоту всех материнских свеч
Горящих на небесной тризне.
И он готов свой путь начать с нуля,
Вспахав грехи мужицкой нивы,
Чтоб души христианские земля
Лечила пламенем молитвы.
И пусть в сраженьях грозен его вид,
Горька рифлёная свобода...
Он милосерден именем Любви,
Как Царский путь его народа.

Турник

Взметнулось тело выше турника
И вниз скользнуло, чтоб взметнуться снова.
И сила тела бешено легка,
Пока взмах ввысь предчувствием раскован.
И нет границ полёту паренька,
Кружению любви предела нету.
В созвездии минут душа легка,
Когда восторг взметнул мальчишку к свету.
И бесконечным кажется полёт
В безудержности вечного желанья
С небесной высоты срываться в пот,
В усталость утомлённого дыханья.
Так крутит сальто Царский путь страны
Свободным взмахом вечного полёта,
Смахнув с души кровавый пот вины
Столетним одиночеством народа.
Но вертится земля вокруг оси,
Как тот полёт вокруг любви мальчишки,
Как Русский дух вокруг Святой Руси,
Скользнув в любовь берёз с небесной вышки.

Царский ветер

Дремлет печь. Прогрета пламенем труба.
Спит под небом деревенская усталость.
Тишиной сверчка заполнена изба.
Да и дымом сигаретным выюжит вялость...
Спит хозяин, растянувшись на полу.
Ну, видать, гулял на полную катушку.
Притаилась ожиданием в углу
Недопитая хозяином чекушка.
Беспокойно губы шепчут о своём,
Ночь терзают задымлённые проблемы,
Оставляя все тревоги на потом,
Горяча весь бред словесной темы.
Эх, деревня! Загуляла, разошлась.
Материнским плачем катятся минуты.
Бьётся в ярости прокуренная власть,
Рассыпаясь от разбившейся посуды;
Распыляясь в причитаниях жены,
И обиды, как тряпье, перебирая,
Забываясь в храпе водочной вины
От начала края жизни и до края.
Край Российский, материнский
Божий Край!
От любви ведя хозяйское начало,
Обогреет тишиной словесный храп,
Разбудив сверчка запечную печалью,
Разбудив огонь российской доброты

Деревенским пашенным простором.
И Знаменьем крестным Божьей красоты
Всколыхнёт пропой души церковным хором.
И потянется, потянется народ
За таким простым и вечным Божьим словом.
По стеклу сползёт ушедший год,
И раскаяньем забрезжит свечка в Новом.
Где же утро? Где же утро, где же свет?
Губ коснётся тонким эхом луч рассвета,
С глаз сорвёт прикосновеньем сонный плед
И прогонит буйный храм мужского бреда.
Оживёт печным усердием труба,
И, оставив все невзгоды в доме ветхом,
Непростая деревенская судьба
По России понесётся Царским ветром.

Журавлиный приют

Потерялись мысли в журавлином крике.
Сердце вздрогнуло тоской у Кузьмича:
«Эх, ты, жизнь моя! Подумать даже дико.
Рвань беспутная...». И плюнул сгоряча.
За окраину села рванула совесть.
Где же спрятаться, и где найти приют,
Коль душа его забита злобным сором?
А расслабишься, так языки сожрут.
Не помилуют, ведь слухи, чай, не тётка:
Обрастут враньём и душу бросят в грязь.
Вот, и кинется обида в ту же водку,
Зуботыченным безумием соря.
После драки кулаками ведь не машут:
Сам наравлся, так по полной получил.
Заварил от жизни рабской эту кашу,
А селяне не простили сей почин.
Отметелили... Теперь терпи и думай,
Убегая за околицу села.
А журавль (вот скаженный!) глянул в душу!
Ноги сами подкосились, гнев ослаб.
И Кузьмич встал на колени: «Боже правый!»
Вздых по сердцу прокатился, как слеза.
Журавлиный взгляд лечил тугую рану,
Убаюкивая боль глаза в глаза.
Встрепенулся взгляд, взлетел куда-то в небо,
Там, где клином журавлиным нёсся крик.

И скользнули в эту ширь стальные нервы,
И Кузьмич, врываясь в стон, к земле приник.
И в молитву окунулись его губы
Всем порывом православного тепла,
Что так бережно хранят людские судьбы
В кровавых мозолях сельского угла,
Преклоняя свою жизнь пред Божьим ликом.
Гонят совесть за окраину села,
Где свобода журавлиным Царским клином
Над Россией расправляет два крыла.

Прощание с селом

В офицерской форме молодой да ранний
Удалой герой прощается с селом.
Послужить России, поздно или рано,
Завсегда почётно, если довелось.
Довелось идти берёзовою рощей,
Как по ней ходили наши деды встарь,
Пока бабий вой по русским сёлам ропщет,
Заглянув в сердца людские, как в букварь...
Заглянула и в его судьбу цыганка,
По ладони прочитав геройский путь.
Напророчила с три короба гадалка:
Правда, не было там смертушки от пуля.
Да и сытой жизни не было в помине.
Только кровушка да, вишь ли, бабий вой.
Но любовь к земле героя не покинет –
Просто в рощу возвратится весь седой.
«Удивила сединой! Да полно врать-то».
«Я не вру. Вся жизнь твоя в руках войны.
Будет боль в ней и любовь, и злая радость.
И орущее безумие вины.
Всё в ней будет. Так, иди к героической славе».
«Ну, прощай. Да, что с тобою говорить?
Погадала, нагадала, ну, и ладно.
Вот монета. От души даю. Бери».
Но цыганка не взяла, пошла тропюю,
Меж деревьев стан её погас.

И герой, потрянув кудрявой головою,
По берёзовой России зашагал.
И сорвался бодрый голос в птичьем шуме:
«Нагадай, кукушка, сколько буду жить?»
И кукушка расходилась не на шутку:
«Будет ворон над судьбой твоей кружить».
Осень падает на Русь. Под ветром ропщет
Деревенской жизни лиственный букварь.
И идёт в поля берёзовая роща,
Словно в форме офицерской Русский Царь.

Бурьян

Деревенька заросла бурьянной мукой:
Бултыхается, родимая, в пыли.
Разбазарили поля сиротской скукой
Одичавшие от денег упыри.
И несётся смрадный дух российским
пьянством
Над берёзовым гниением веков.
И терзает жизнь людей хмельным
упрямством,
В грязь втоптав святую веру сапогом.
А Иваныч? Что Иваныч? В стиле танца
Скрежетал зубами – мама, не горюй!
Тут бы правой в морду дать, а не ругаться,
Чтоб летел в бурьян соседский чистоплюй.
Вот, не спится, идиоту, спозаранку,
Нахлестался самогону, дай Боже!
Да Иваныча втемяшил в перебранку,
Рассекая по деревне в неглиже.
Слава Богу, наготой сверкает ночью,
А не то, куда ни кинь – кондовый срам.
Вот скаженный! Бултыхнулся прямо в ноги.
Завопил, как истеричка, к небесам.
То ли плакал, толь смеялся, то ль молился,
И о землю бил седую головой.
И, слезами задыхаясь, матерился
Над своею холостяцкою судьбой.

Над детьми, что промышляют буйным
пьянством,
Над вчерашними поминками жены.
Разогрев свою обиду злобным хамством,
В кулаки пошёл, не чувствуя вины.
И, подстёгнутый своей словесной плёткой,
То ли плакал, то ль смеялся, то ль молил:
«Ах, вы, детушки мои, мои сиротки,
Что ж творите-то, беспутные мои!»
И летит в тар-тарары жизнь поколенья.
А терпеть всё это скотство мочи нет!
Вот и ищет разорённая деревня
Под людской бурьянной пылью
Царский след.

Мельник (мини-поэма)

1

Дышит мельница, вращая жерновами,
Ветер кружит её крылья за двоих.
А у мельника война горит рубцами,
Бьёт гражданской отдышкою под дых.
Плоть в землю бы! Да жизнь Господь дарует.
Церковь рядом, да покаяться невмочь.
И сжимают ту пшеничку его руки,
Ведь народец-то до хлебушка охоч.
Голодает, разорённый нищетою.
Голосует за мужицкое «табу»,
Заявляет с деревенской прямою:
«Чтобы лопнуть тому мельнику-клопу!»
Задышается народ... Ну, а куда же
Убежишь от этих пашен и лесов?
Нет на свете мест привычнее и краше,
Но поник в полях последний колосок.
Люд голодный положил на полку зубы.
«Эй, российская душа, тебе ль терпеть,
Когда яростью горят глазные трубы?
Только лапу лжи сосёшь, как тот медведь,
Погружённый в бестолковое терпенье.
Вот и мельник вашу кровушку сосёт!»
И всё чаще бьёт по нервам раздраженье,

На того, кто зло крестьянину несёт.
«Ох, проснётся дух: Российский край ведь,
братцы!
Псарь жирует, но вернётся Царский день –
Преклонят пред ним колени оборванцы...».
«Чушь! Рабами быть – вот ваш удел.
Пусть раскрутит жернова российский ветер!
Ох, раскрутит! Дайте, братцы, только срок.
Разутюжит нетерпением кровь по венам,
Как утюжит лица солнечный каток,
Как утюжит время прошлыми веками
Всё, что было, есть и будет за земле,
Чтобы щедрою рукой раздал мешками
Деревенский мельник людям Божий хлеб.

2

«Мужики, вы обнаглели!
Заворачивай мешки.
Нездоров я, в самом деле,
Не давите на кишки».
«Хватит! Кровушку попили!»
«Вас же много – я один.
Занимали в долг не вы ли?
А ведь я вам господин.
Вот, когда вы всё вернёте,
Вот, тогда поговорим.
Вы меня при всём народе

Записали в упыри.
Опозорили, но сами,
Как ни кинь — а голытьба.
Языком весь день чесали.
А послушать — стыдоба!
Царь расстрелян в этом годе.
Что он плохо сделал вам?
Я же, вот, ишачу в поте
Без него не день, не два.
Но зачем же ставить «к стенке»?
Ну, зачем рубить с плеча,
Веру выкинуть, как стельки,
Жизнь корёжить сгоряча?
Люди вы или уроды?
Что ж вы рвёте нашу Русь
Революции в угоду?
Эх, босяцкая вы гнусь!
Вы же — мразь! Безвинных жрёте.
Вам бы только к стенке: «Пли!».
Да, чтоб с шиком, при народе.
Дети бесовой земли!
Всё берите! Вам зачтётся.
Что посеешь, то пожнёшь.
Божья кара ждёт вас, хлопцы...».
Сенька Шалый крикнул: «Врёшь!
Врёшь, кулацкое отродье.
Ты без нас давно бы сдох.
Мужики, дави уroda,

Чтоб язык его отсох».

.....

Били долго, били с гневом.
Подустав, народ остыл.
В темноту скользнуло небо.
Тело бросили в кусты.
Сенька Шалый крикнул бодро:
«Мужики, грузи мешки!»
А закончилось всё ссорой,
Ведь толпа-то без башки.
Морды квасили умело,
Кровь лилась в мучной пыли.
Ну, а злость такое дело –
Хором мельницу сожгли.

3

«Не забили, гады... Поживу немного».
Мельник телом вздрогну, задрожал.
Из кустов он выполз – боль пронзила ноги,
А внутри – как будто бы пожар.
Всё же огляделся, поражённый, замер:
Мельницы не стало. Слезы жгли свинцом.
Безразлично бросил: «Так и сдохнем в сраме».
И, перекрестившись, почернел лицом.
К горлу подкатила ненависть и злоба:
«Презираю! Чёрт вас побери.
Что, набили, свиньи, хлебушком утробы?

Всё добро пропьёте, упыри.
Что ж, раз так охота, ройте себе яму.
Мельницу спалили на корню.
Без неё живите. Напугали, прямо.
Ну, а в общем, тупость. Не виню.
Что с вас взять, уроды? Голытьба –
и только.
И берутся руки за обрез.
Ох, на ваши души сыщется винтовка,
Даже в этой проклятой дыре.
Да за бунт разгульный плачет по вам
палка.
Ну, да Богу нашему видней.
Только почему-то вас, уродов, жалко
В этой взбунтовавшейся стране.
Всё мне надоело. Кровью сыт не будешь,
А купать в ней душу – не по мне.
Что найдёшь, Россия, в этой самой буре,
Коли ставят русское к стене,
Коль застряла в смерти Царская возница,
Коль не знают сами, что творят?
Значит, остаётся мужику – молиться,
Обратив смиренно к Богу взгляд.
Может быть, я струсил? Нет, я духом
Русский!
А в насилье много ли любви?
Чтобы горе мыкать да ещё в прикуску,
Потеряв в убийствах «Не убий»?

Эх, народец шалый – грех всего народа!
Мне теперь за вас поклоны класть.
У бесовской веры нет страшной народа,
Чем урод гражданский, то бишь, власть.
Ведь она с пелёнок собирает в стаю
Беднотой прожженных мужиков.
Пусть меня избили, но я их прощаю,
И смиренно к подвигу готов.

4

Мельник голосом надтреснуто-сухим
Говорил про свою боль отцу Андрею.
И взмолился: «Отпусти ты мне грехи.
Нету мочи жить. Край, батюшка. Старею.
Порешил я в келье доживать свой век.
Нету больше ничего, что держит в мире,
Одичал душой, рычащей аки зверь,
И висит на ней гордыня, словно гиря».
«Отчего в тебе, сын мой, такая боль?
Что ведёт тебя к монашьему порогу?»
«Гол я, батюшка, в желаниях и бос.
Вот, грехи и призывают старость к Богу.
Без жены, без детской ласки бобылём
Жизнь губил свою, а было – и чужую.
Мерил горе деревенское рублём,
А на склоне лет я сам в беде гужую.
Нет прощенья мне, да теплится мечта:

Обрести покой души в монашьей келье.
Пусть хоть совесть будет грешная чиста,
Согреваясь монастырскою купелью».
«Вижу, сын мой, что ты к постригу готов.
Вижу – выстрадал. Но, всё же, ты подумай:
Не раскаяться бы в выборе потом,
Отказавшись словом от мирского шума».
«Нет, уж, батюшка, назад дороги нет.
Принимай меня со всеми потрохами.
Был я Царскою опекою согрет,
Только жил, на милость Божию чихая.
Я сжигал нужду людишек, как дрова,
И не мог предположить, что это люди.
С них имел и раболепье, и навар,
И словесно бил по ним из всех орудий.
Только, вот, вернулась кара, да с лихвой.
За душою ничего, а в сердце пусто.
И тяну дела былые за собой,
А, вот, совести в них, батюшка, – не густо.
Мужики-то взбунтовались почём зря,
И надежду нашу шлёпнули привычно.
Буду я теперь молиться за Царя,
О сиротской нашей доле горемычной.
Загоняют правду, как на бойню скот,
Те, кто взял и учинил своё злодейство.
Без Царя Россия, может, проживёт,
Но семьёй, в которой нет главы семейства.
Им бы кровушку господскую пролить,

Душу бесову потешить в исступленье.
Только, как же этот грех-то искупить,
Не покаившись в надежде на спасенье?
Я, вот, хапал всё, но есть всему предел.
Жил на мельнице своей, как в клетке птица,
При Царе овец Господних не жалел,
А теперь пришла пора за них молиться».

Царь Павел Первый

Строчки совести

Поэт не может не грешить,
Ведь вся поэзия ранима.
Однако, боль его души
Российской верою хранима.

В объятьях лжи и пустяков
Он правдой дышит деловито.
А Павла Первого любовь
По строчкам совести разлита.

Она с разгневанных вершин
Зовёт сквозь сумрак униженья
И к православию души,
И к христианскому смиренью.

В единстве с Царём

Священна Царская свобода...
У Павла Первого свой путь —
Во славу русского народа
Всю нищету перечеркнуть;
Дать на Руси крестьянам волю
Рвать унижение, как лоскут.
Пока Россия дышит болью,
Не быть счастливым мужику.
В избе молчанье гробовое,
Уснула пьяная гроза.
Толочь в хозяйской ступе воду
Кормильцу хватит за глаза.
Он человек, а не преступник!
Не бесов сын и не бунтарь!
Ведь у народа есть заступник —
Всея Руси Державный Царь.
На бабу глотку надрывая,
Пропив последнее шматьё,
Нёс к Алтарю мужик, вздыхая,
Свое нелёгкое житьё.
Пока в церквах молилась Богу
Жизнь подневольная мирян,
Держалась вера за свободу,
Как Павел Первый за крестьян.

Два журавля

Они ушли – два мученика первых,
Два Божьих чада: Павел, Николай.
Летят два журавля – два взмаха белых,
Две звёздных искры, вечных два крыла.
Журавль Павла дышит добротою,
Молящимся даёт глоток надежд,
Чтоб свет Отчизны, что зовут Святою,
Был вечно ярок, искренен и свеж.
Журавль Николая дышит болью,
Зато душа нежна, как береста,
И смотрит в мир с отеческой любовью,
Как русский дух в симфонию поста.
Путь правды в нашей жизни человечен,
А Истина течёт из уст в уста,
Ведь совесть Павла Первого-предтечи
До Николая в помыслах чиста.
Здесь в храм войти смиренно может каждый,
Чтобы у них защиты попросить,
И ждать, когда свой Трон займёт однажды
Грядущий Государь Всея Руси.
Земную искру русского народа
До Неба вознесут колокола
В дыханье журавлиного полёта,
Как две судьбы Двуглавого Орла.

Два мученика Царского Орла

Вздыхал свободу веры Павел Первый
Могучею державною рукой,
Чтоб боль её, терзающую нервы,
Взял в свои руки Николай Второй.
Судьба была к избраннику жестока.
Колокола вздыхали, как во сне.
И в страх рвалась зубастая тревога,
Как рвётся в город запоздалый снег.
И будет угрызенье хмурить брови,
И утекать сквозь пальцы, как вода.
Да только человек российской крови
Не исчерпает совесть никогда.
Пускай мужик в желаниях неволен
Поднять на униженья смелый взгляд,
Всё так же колосится хлебом поле,
Всё так же верой полнится земля.
Хоть жизнь народа, обернувшись к свету,
Сберечь Престол Российский не смогла,
Но Павел перед смертью эстафету
Сквозь время Николаю передал.
И будет помнить русская отвага,
Что верою военной пролегла
От стен Москвы до самого Рейхстага,
Двух мучеников Царского Орла.

Душа доверия

Умчалась надежда испуганной ланью
В бессонную лунную ночь,
И дышит зима белоснежною гладью,
И некому Павлу помочь.
А он и не просит. Ведь это так стыдно.
К мундиру беду не пришьёшь.
А царскую честь, что за горем не видно,
Измена не ставит ни в грош.
Да, служба есть служба, к семье безучастна,
Ведь людям-то нужен Отец.
И ради их детства, и ради их счастья
В строю он и «пахарь и жнец».
И коль его вера слезой безутешной
Достигла российских ушей,
До Божьей любви дотянуться надеждой
Доверено русской душе.

Народный Царь – Павел Первый

Горит свечой в простых сердцах
Согретый Русью Павел Первый –
Своей державы русский Царь,
России преданный и верный.
Его дорога пролегла
Таким коротким, горьким веком,
А он, расправив два крыла,
Остался просто человеком.
Он в полынье кровавых дней,
Согретый болью вечной славы,
Пребудет в памяти людей
Отцом обиженных и слабых.
И благодарные слова
Через года стремятся в вечность.
Ведь он народу отдавал
Свою земную человечность.
Пусть эта жизнь порой слепа
В цепях обид и унижений,
Не зарастёт к нему тропа
В молитвах новых поколений.
И, правду Божию верша,
Пред Павлом Первым Русь склонится,
А его светлая душа
В Царе грядущем возродится.

Российская Звезда

Больно вспыхнула народная лучина –
Царский путь на этом свете завершён.
И разносит с ветром горькую кручину
По России колокольный, грозный звон.
Государя Павла Первого не стало...
Был уход его, увы, не отвратим.
Жил по совести, и сделано немало,
Потому народом искренно любим.
Маршируют годы памяти повзводно
И молитвами кружатся в облаках.
Значит, просто было Господу угодно,
Чтобы святость пролегла через века;
Чтоб дышала совесть русская свободно,
Как свободно дышит радость на губах;
Чтоб причалила любовью всенародной
Русь великая к церковным берегам.
Растревоженная скорбью городскою,
Боль лучины долетела до села, –
И, разбуженные мирной тишиною,
Светлым именем звучат колокола.
Царь ушёл на Небо с выправкой военной,
Все долги народу Божьему раздав,
Чтобы вспыхнула, как вера, во Вселенной
Павла Первого Российская Звезда.

Символ Царской чистоты

Ах, Павел Первый, Павел Первый,
Народ хотел поднять с колен...
России преданный и верный,
Ты был невинно убиен.
Не просто смертный миг расправы
Принять избраннику судьбы, –
Как трудно пред толпой быть правым,
Так трудно Государем быть.
Мелькнули славные три года
Дыханьем веры, словно день –
На сердце русского народа
Легла Божественная тень.
И разнеслось колоколами
В тот христианский непокой,
Согретый горькими слезами,
Что Павел Первый – Царь святой.
Ах, Павел Первый, Павел Первый,
Ты символ Царской чистоты
Огонь твой ангельский, смиренный
В сердцах российских не остыл.
Он превратится скоро в пламя,
И будет греть через века,
Чтобы Божественную память
Сжимала детская рука.

Царский Бессмертный Полк

Полк бессмертный, строй военный
Шаг равняет на сердца.
Впереди идёт бесменный
Павел Первый – Русский Царь.
Левой! Левой! Кровь по жилам!
Закипел смертельный бой.
И спасает мир служивый –
Божьей веры рядовой.
Левой! Левой! Песня льётся
По крещённой по земле:
То по городу несётся,
То вздыхает на селе;
То в поля уйдёт, то в рощу,
В Бабий яр кровавых дней;
То болотами – на ощупь,
То с гармошкой в тишине.
Левой! Левой! Шаг за шагом
По родимой стороне.
Дух российский жив отвагой
И в смирение, и в огне.
Русской славой дышит память,
Отдавая царский долг.
Павел Первый держит знамя
И ведёт Бессмертный Полк.

Царское Христово Воскресенье

На Павла Первого свой проливает свет
Молитвой Вечности Христово Воскресенье,
И каждый новый Божьей милостью рассвет
Даёт желанную надежду на спасенье.
А в нём нуждается российская любовь,
Что не отнимешь у простого человека,
Коль это самое святое из даров,
Что мир хранит в греховном лоне век от века.
А Русь по милости Царя идёт в свой день,
И наполняет храмы жизнь в конце недели,
Чтобы остались взаперти хандра и лень,
Чтобы молитвы души Божии надели;
Чтоб утешение согрело боль обид
И не оставило к Причастью равнодушным,
Коли покаяться сердечный час пробил;
Чтоб ощутить себя и радостным, и нужным.
Среди людей, среди церковного тепла
Себя почувствовать воистину свободным,
Чтоб омывали этот дар колокола
Небесно-чувственным дыханьем путеводным.
Рассвет молитвенно забрезжит синевой,
И в нём найдёт душа и свет, и утешенье,
Ведь Павла Первого народный выходной
Уходит Царскими корнями в Воскресенье.

Царь-предтеча

В молитвах совести разбудит души
Российской доблести церковный звон.
А Павлу Первому, России мужу,
Любовь народная отдаст поклон.
Склонит желание просить защиты
Перед иконою его тепла,
Но слёзы горькие свинцом разлиты
По венам памяти молящих глаз.
Ведь он в той памяти успел так мало, —
Убийством путь его был завершён.
Он шёл за правдою сквозь век обмана,
И только мёртвым он покинул Трон.
В тисках предательства дышать так больно...
Быть выше этого хватило сил.
Он на врагов своих смотрел спокойно,
И честь монаршию не уронил.
А вера русская к Христу всё ближе.
Она всех русских поднимет в поход.
А Павлу Первому вменялось Свыше
Собой пожертвовать за свой народ.
Молитвой вечности раздвинут свечи
Границы верности грядущих лет,
Ведь эта жертвенность Царя-предтечи
Любовью клонится в Небесный свет.

Шаг царской Армии

Шаг военный, шаг парадный –
Павла Первого настрой!
Гордо дышит духом ратным
Молодецкий царский строй.
Грянет песня боевая
И подхватится людьми.
Её выправка такая,
Что волнует целый мир.
И несётся над планетой
Русский солнечный мотив.
А солдату с песней этой
К Богу предстоит идти.
Путь осилит непременно
Молодецкая душа
С боевою песней верной,
Отпечатывая шаг.
В небо вдавливая нервы,
Грудь раскроется ветрам,
И незримо Павел Первый
Примет воинский Парад,
Чтоб надеждой меч булатный
Проливал на землю свет,
Чтоб чеканил шаг парадный
21-й Русский век.

Земля надежд

Болит душа у русского столетья.
У Павла Первого в дыханье – только миг.
Миг рыцарства – и годы лихолетья
От лести царедворцев до интриг.
Царь верой чист, а воронью неймётся.
И как их носит Матушка-земля?
Жизнь – это нить, и если она рвётся,
То рвёт Россию звоном хрусталя.
И сыпятся, и сыпятся осколки
По всем уездам в души мужиков.
И пересуды множатся, да толки
Плетут страданья грешных бедняков.
И скорбь людская рвётся болью в храмы,
Молитвами застрявшая в зобу.
И Божий перст – развязка этой драмы –
Прольёт любовь в монаршею судьбу.
Прольётся звоном в колокольный трепет
По всей народной памяти Руси:
Ведь мужика всегда надежда греет
С землёй в безбрежном омуте трясин.
Страх одержим кровавым лихолетьем,
Но держит пульс планеты русский хор.
У Царской вечности путь Павла – как столетье:
Спасает мир от злобы и грехов.

Прихожая России

Когда Павел Первый взошёл на Престол,
Он верил, что людям поможет.
А Русь раздирал человеческий стон
В бескрайней российской прихожей.
В прихожей столетья по-русски дышать
Непросто народному слову.
И Павлу хотелось дать Родине шанс
Взять в веру своей за основу
Свободу от рабства, свободу от мук.
Свободу дать людям! Свободу!
Да разве ж узнаешь, где враг твой, где друг,
Забыв о себе на три года?
А Царская честь – она есть или нет.
А если уж есть, значит, будет
Любовь к человеку, что греет как снег
Осеннюю пасмурность судеб.
О Царской мечте «позаботился» враг...
Ах, Павел, ах, Павел, ах, Павел!
Над светом надежды сгущается мрак:
Ты знал, что тебе в него падать.
И падал, и падал – столетьем в века –
В последний свой миг человека.
И быть тебе в памяти русской, пока
Русь вольная плещется в венах.

В просторах церковных не счесть берегов:
В них трепет смирением вышит.
Там мужество Павла, как Вечный огонь,
Отвагой российскою дышит.

Встреча

Суровою правдой судьба закружила,
Ломая России бока.
А Павел был первый, кто всей своей жизнью
Вступился за честь мужика...
Он встретился Павлу, весь в думах и скорби,
Едва волоча свою тень.
Нужда бессердечна, и всякого сгорбит,
Как горбит усталость в метель.
И Павел, по-братски печалясь глазам,
Подал мужику пять рублей,
И тихо сказал ему: «Бог между нами.
Иди, накорми-ка детей».
В глазах мужика вспыхнул лучик надежды.
С поклоном он взял этот дар:
«Пускай я холоп, но, отнюдь, не невежда.
Спасибо тебе, Государь.
Спасибо, опора в беде и надёжа.
Спасибо за щедрость к другим».
Лицо прояснилось и стало чуть строже:
«Ты русским народом любим».
Сказал и пошёл, весь в раздумьях о сыне,
В суровое бремя забот
С той новой надеждой, с которой отныне
Всегда будет крепок народ...

Россией натружены царские нервы –
Бывает и им горячо:
Ведь Царь Павел Первый не даром был первым,
Кто людям подставил плечо.

Два русских колоска

День раскрылся, как подснежник —
Жмётся к небу колоском.
А дорогу топчет грешник,
Пыль тревожа босиком.
А навстречу — Царь! Карету
Приказал остановить,
Вышел в день, призвал к ответу:
«Имя, путник, назови».
Путник — что ж? — остановился.
Крест на душу положил,
Царской воле поклонился:
«Павлом звать», — сказал мужик.
Царский голос стал бодрее:
«Что ж ты, тёзка, босиком?»
«Так, земля ж подошвы греет,
Оттого душе легко.
Оттого иду по свету,
В Русь иду, в святую глушь.
А любовь людьми согрета —
Этот воздух им присущ.
В нём радушие и верность,
И горячие ветра...
Государь, прости за дерзость,
Но в Россию мне пора
В ту, мужицкую, Россию
С Божьей правдой, как гранит...

Государь, где взяться силе,
Что ту правду сохранит?»
Павел вымолвил: «Осилью!
Ведь меня ждёт Царский Трон».
И поехал по России
Землю чувствовать нутром.

Дух Царской любви

По российским-то дорогам,
Да по Матушке-Руси,
Да в карете... Ох, о многом
Павлу Господа просить
Приходилось в той карете
В прорезь царского окна;
Быть за весь народ в ответе,
Как бы ни была видна
Участь сельской бедной доли,
Что покорна батогам.
Только псарь наживу холит...
Так ведь даром, что слуга,
Но с ним справиться непросто:
За молитвой прячет лик.
Незаметен, как короста,
А прижмёшь, так, сразу в крик.
Он российский стон народный
Научился презирать –
Этот самый голос потный,
Этот скользкий чёрный нрав.
Но не сломит век славянский
Он кровавым батогом.
Точит дух молитвой царской
Несгибаемая голь.
А ведь им Россия дышит
В перекрестии дорог.

Он почти донельзя выжат,
Но обиды лечит Бог.
Битый грешною полынью,
Сыт мужик тугим ярмом,
А придётся – как святыню
Защитит российский дом.
Дорожит он им, как родом,
Как, вдыхая жизнь в года,
Дорожит своим народом
Павел Первый – Государь.

Павел Первый и мальчишка

Мнут колёса пыль шагами.
«Не пройтись ли мне пешком?
Не размять ли жизнь ногами?
Ну, а лучше босиком.
Вот, хотя б, как тот парнишка.
Ты смотри-ка, держит шаг.
Задирает ноги, вишь как!
Так, чего ж ему мешать?»
А парнишка вдруг споткнулся,
В пыль дорожную упал.
Павел Первый улыбнулся:
«Видно, выпустил весь пар.
А держался по-солдатски».
К непоседе подошёл:
«Парень воинской закваски,
Дело знает хорошо.
Да и мне, глядишь, подсказка —
Этот шаг ввести в войска,
Чтобы строй держался вязко
От макушки до мыска...
Что разлёгся? Ну, вставай же!»
«Ну, и встану». Бодро встал.
Как-то вытянулся даже,
Хоть и видно, что устал.
«Отчего так тянешь шею?»
«Так, ведь, вы же офицер.

По-другому не умею».
Изменился весь в лице.
Горделивый взгляд не сводит,
Держит выправку. Орёл!
Подчинился Божьей воле.
«Вольно, хлопец! Не подвёл!
Оттого в душе отрада!
Офицера удивил:
Подарил любовь солдата.
Есть огонь в твоей крови!
Слово чести: не забуду!
В полк тебя определю,
Если жив я только буду.
Стал ты мне, солдатик, люб».
Мимо – дед. Шальные цены
Крыл на раз... Увидел их.
Поклонился «офицеру».
Поперхнулся и затих.
Тут повеяло заминкой.
Павел сам уже не рад.
Посмотрел на них с грустинкой,
И сказал: «Что ж, мне пора».
... Мальчик верил в перемены –
Взгляд скользил куда-то вдаль:
«Дед, а кто был тот военный?»
«Павел Первый. Государь».
.....
Царь сидел в своей карете,

Сердцем горд, душою чист.
Коли он за всё в ответе,
То для страха нет причин.
В голове такая ясность.
Дышит в сердце русский лес...
А карета удалялась,
Оставляя Божий след —
След, который не остынет,
Ибо дал мальчишке шанс...
А солдаты и поныне
Гордо держат царский шаг.

Колечко для Павла Первого (баллада-минипоэма)

Улыбка уплыла в мерцанье звёзд...
Вся Русь великая перед глазами.
Сколь надо отмахать тех самых вёрст,
Чтоб прикоснуться к совести губами?
А совесть та – дворов на пятьдесят.
И жизнь-то в них течёт не так, чтоб очень.
Но для души ночлег получит всяк,
Кого в пути застал осколок ночи.
Зима снежит дыханием тепла,
А всё ж февраль хватается за пальцы.
У Павла Первого всё срочные дела –
Царя лишают отдыха, упрямы.
«Видать, мороз ударит в эту ночь:
Вон сколько звёзд рассыпалось на небе...
А впрочем, надо девочке помочь,
Чтобы чего не приключилось с нею.
Дурёха ковыряется в снегу, –
Ведь нервов никаких не хватит, глядя.
Хоть этому ребёнку помогу,
Не всё ж весь день точить с собою ласы.
Ну, вот, сейчас с ней душу отведу,
Потом подумаем и о ночлеге.
Сегодня без тепла не обойдусь,
А в хате в самый раз забыть о снеге».

«Ну, что ж ты, милая? Замерзнешь ведь.
Дай помогу. Чего искать-то надо?»
«Я валенок ищу. – И ну реветь, -
А он ведь здесь, я знаю, где-то рядом».
Взяв на руки её, прижал к груди:
«Ты вся дрожишь, так заболеть недолго.
А где ж твой дом?» «Да вот он». «Погоди.
Макар, с утра подашь карету к дому.
Ну, а сейчас – в харчевню. И не пей!
Ведь завтра в путь под свист февральской пыли.
Да не забудь за чаркой новостей,
Чтоб лошади накормленными были.
Да сам-то хорошенько отдохни».
«Всё будет в лучшем виде, Ваша Светлость.
Да только, вот, оставить вас одних
Никак нельзя». «Поговори! Взял смелость!
Перечить мне – пустое. Всё! Иди!
Оставь меня, Макар, пока я добрый.
Ну, что ж, дитя, я буду не один
Ночь коротать. Пойдём скорее к дому».

.....
Их на пороге встретил хмурый дед.
Поклон отвесив, молвил: «Ну и ну».
Огладив бороду, сказал: «От дел,
Мой Государь, тебе не грех и отдохнуть.
Так заходи же в дом, гость дорогой.
А где ж второй твой валенок, Марьяна?
Вон, бабка-то твоя: «Найди живой!»

Ох, ядовита на язык, поганка».
«Ах, деда, валенок в снегу теперь.
Его мы не нашли, как то колечко».
«Ну, что ты, мать, застряла, словно пень?
Ей ногу разотри и – марш на печку!»
«Иду. А ты, дед, гостя накорми,
Чем Бог послал. Пошли, пошли, Марьяна».
«Прошу за стол, гость дорогой, будь мил
Отведать молоко да хлеб. Как жалко,
Что это всё, что есть». Царь снял картуз.
Они за стол уселись. Ели молча.
И Павел сбрасывал с плеч царский груз:
«А мужики не сбросят. Жизнь их волчья.
Как звать тебя, хозяин?» «Звать? Егор».
«Ну, как, Егор, под барином не сладко?»
«По-разному прожили этот год.
Нет на Руси ни воли, ни порядка.
Да барин наш ещё туда-сюда.
Хоть не лютует. Жить, короче, можно.
Видать боится Божьего Суда.
Да и тебя. Грешит, но осторожно.
Ох, Государь, как воля-то нужна!
Землицы б мужику. Да раздышаться.
Не доставали б горе да нужда.
А жизнь не оставляет даже шанса.
Но ради справедливости скажу,
Что многим невдомёк, что с волей делать.
Отвыкли думать, я вам доложу,

А жить чужими мыслями – не дело».
«Пускай пока, Егор, у них нет прав,
Но, всё же, я дарую им свободу.
Ради детей и внуков буду рад
Я быть полезным своему народу».
... А бабка на печи на деда зла.
Марьянку обняла – чуть стало легче.
Со вздохом мысли вдруг оборвала:
«Гость в дом, а угостить его нам нечем.
А гость-то, видно, барин не простой.
Да я-то, как на грех, подслеповата».
«Ой, бабушка, а он, ну, прям, такой...
Такой хороший, и ему я рада!»

.....
В дверь постучали. «Кто там? Заходи!»
Открылась дверь. Вошёл худющий барин.
Неловко поклонился. Взглядом дик:
Видать, запоем свою жизнь мытарит.
«Ну, что тебе, милейший? Говори».
«Царь-батюшка, так, может, что-то надо?»
«Мне валенки нужны, чтоб подарить
Их мог Марьянке. То-то будет рада».
«Так это мы сейчас, сейчас, сейчас!
Антошка! Валенки неси! Да мигом!»
За дверью голос хриплый проворчал:
«Уже несу обувку, ваша милость»,
Открылась дверь, вошёл седой мужик,
И валенки поставил у порога.

Вдохнул тепло избы, лицом ожил:
«Так, барин, я пошёл?» «Идите оба!
Ишь, напустили холода в избы.
Теперь – марш спать! Царю ведь угодили».
И страх пред Павлом пробуя на зуб,
Они исчезли, как и приходили.
А Павел с дедом говорили всласть
О жизни, о любви, о Царской боли,
И как в той жизни люду не пропасть,
Ведь жизнь даётся человеку Богом.
... Минуты тикали и плавилась в часах.
Лилась беседа, словно снежный ливень.
И, надрывая болью голоса,
Слова летели в души горьким клином.
.....
И вдруг Марьянка вскрикнула: «Ура!
Колечко, думала, со мной не дружит.
Я так переживала до утра,
Зато сейчас мы встретились друг с дружкой».
Марьянка бодро спрыгнула с печи.
Увидев валенки, она спросила с жаром:
«Красивые какие! Они чьи?»
«Они твои. Ведь это мой подарок».
У Павла светом вспыхнули глаза:
Всё от того, что радость детства рядом.
Дед только улыбнулся и сказал:
«Смотри, не потеряй». «Не потеряю!»
И кинулась к Царю, теплом дыша,

Как дышит снег февральский под ногами;
Как дышит ветер радостью в ушах,
Сердца прохожих трогая губами.
Дед, аж, привстал: «Марьянка, не балуй!»
В порыве том была такая сила,
Когда щеки коснулся поцелуй,
И с губ слетело: «Дяденька, спасибо!
Я тоже вам колечко подарю.
Ты, дяденька, возьми его на память.
Тебе его не просто отдаю:
Хочу, чтоб оно больше не пропало.
Пусть мамы нет, а, вот, колечко есть.
Она его купила, чтобы было.
Носи его, пока не надоест. -
И тихо так, - Она меня любила...
А ты его возьми, возьми себе».
... А за окном Макар подал карету.
И был рассвет, что по-февральски бел,
Что льнёт морозцем к солнечному свету.
У Павла Первого невольно по щекам
Катились слёзы детского сердечка.
И по заснеженной Руси в века
Он увозил Марьянино колечко.

Павел Первый и денщик

Всё в дороге, всё в дороге, всё в пути...
Всюду – русские бескрайние просторы.
А пешком, увы, не просто обойти
Крепостное беззаконие да ссоры,
Да бессилье слёз и сторбленность беды.
Всюду пьянство, безразличие и нервы.
Вот в карете, в грешном горле маеты,
Разъезжает по дорогам Павел Первый.
А у них ведь семь загибов на версту.
Целых семь, ну, и ломается карета...
Вон, мальчишка обдирает бересту,
А девчонка невниманием задета.
Офицер какой-то прибавляет шаг,
Денщику небрежно кинув свою шпагу:
«Ну, теперь она не будет мне мешать,
Как и служба, что тащу, как колымагу».
«Ваша милость, может, шпагу-то вернуть?
Не положено ведь так-то по уставу».
«Замолчи, дурак! Не близок будет путь.
Этой штукой не добудешь нынче славу».
«Вам виднее, ваша милость. Понесу.
Мне не трудно». «Так, неси без разговоров».
«Воля ваша, коль самим вам недосуг,
Коль на место попадём ещё не скоро».
«Всё! Заткнись! И чтоб не слышал я нытья!»
«Замолкаю, ваша милость, замолкаю.

А чего? Я ничего. Молчу. Хотя
Может боком выйти. Так-то, вот, смекаю».
«Ты чего пристал, занудная душа?
Вон, иди, прочисть мозги тому мальчишке».
А мальчишка подбежал к ним, чуть дыша.
«Как зовут? Чего молчишь?» «Меня-то?
Мишкой.
А доверите, так саблю понесу».
Тут девчонка не сдержалась: «Что ты, братец!».
А денщик вдруг возмутился: «Недосуг
Мне выслушивать подобное, поганец!
Ваша милость, ну, а вы-то?..»
«Прекратить!», —
Павел Первый подошёл. В порыве гнева
Вырвал шпагу: «Что тарашитесь? А ты...
Больше ты не офицер! Да им и не был!»
Денщику сказал, вернув оружие: «Клянись!
Присягай Царю». Денщик не струсил.
На себя повесил шпагу, глянул ввысь:
«Я клянусь своими предками и Русью».
Царь кивнул, на офицера посмотрел:
«А тебе быть денщиком при нём. Понятно?
Ну, а если не поймёшь, так под расстрел».
И чего-то проворчал ещё невнятно.
... Был Россией этот случай не забыт.
Ведь оружие и есть тот щит Отчизны,
Что присягой офицерскою отлит
От любви к Престолу Русскому до тризны.

Правда Павла Первого

Смотр на плацу. Гвардейский батальон
чеканит шаг.
Сам Царь внимательно следит за каждым.
И вдруг стоящий рядом командир
промолвил: «Так
С любым из них произойдёт однажды».
Царь оборвал: «Сергей Егорыч, что ещё?»
«Петров, вот, умывается слезами.
Видать, впустую разговоры. Мой просчёт.
Да разве успокоишь скорбь словами?»
Царь болью в горле закричал, как тот старик:
«Ты, вот, что... всех сейчас веди в казармы.
А с ним, Сергей Егорыч, всё ж поговори».
«Ах, Государь, ну, что за наказание!
Солдат исправный, я доволен им вполне.
От повышения, прямо скажем, в шаг.
Да только жизнь его, как в страшном сне.
С неделю, как пришло письмо бедняге.
В избе супруга угорела у него.
А сын по людям крохи собирает.
Осталась дочь... ну, и сломался хлопец боевой.
Вот и течёт из глаз слезою рана».
Царь чуть поморщился: «Видать, не то
Сказал ты слово русскому солдату.
Он – прежде человек, а рядовой – потом.
Он личным горем на кресте распятый».

«Да я с ним толковал, но он словам не внял».
«И что? В ответе за него не мы ли?
Петров, из строя выйти! Остальным – равняйся!
Нале-во! Шагом марш! Что приуныли?»
Солдаты шли в казармы, песнею дыша...
Иван навытяжку стоял угрюмый.
И влажный взгляд его Царю уже мешал:
«Как и зевака тот не слишком умный,
Что топчется у плаца. Служащий, поди,
Чиновник мелкий». Государь опешил
И к краю плаца подошёл: «Ну, ты гляди!
Ты что здесь делаешь, милейший?
Я здесь работаю, а ты где должен быть?»
«А я... того... смотрю... иду на службу...».
«Дежурный! Чтоб сюда дорогу он забыл!
Гони бездельника отсюда! Ну же!...»
И отвернувшись, бросил: «Чёрт их побери,
Таких зевак без воинской закалки».
Перед солдатом встал, вздохнул: «Ну, говори
Мне всё, Иван Петров, и без утайки».
«Я духом ослабел, но шаг военный твёрд.
Своей Отчизной твёрд, её Престолом.
Я очень рад служить вам, Государь, и горд.
Да только дом мой запустеньем полон.
И женушки уж нет, и слёз тугой комок
Застрял в моей душе дыханьем Божьим».
«Но у тебя есть дети. Ты не одинок.
Об их судьбе я лично позабочусь.

Немало в деревнях найдётся таких мест,
Где смерть крестьянам не даёт прохода.
И люди на плечах несут смиренья крест –
Свои грехи. Но это – путь народа:
В молитвах слёзных души очищать.
А путь солдата, он и прост, и ясен:
Россию-матушку любить и защищать.
И этот долг он выполнить обязан».
«Но, как же, Государь, исполнить этот долг?
Ведь горе да беда калечат души».
«Да, верно, жизнь, Иван, как то дыханье волн:
То нежит радостью, то страхом душит.
А нам Господь дал шанс вписать свою строку
В служение Руси. Вот так-то, парень.
Коль ты в душе солдат, нам быть в одном строю,
Будь ты хоть рядовым, хоть Государем».

Письмо (Поэма)

1

Едва наметился предутренний рассвет,
Едва лучи скользнули в сонную усадьбу,
По свежескошенной заплаканной траве
Туман лениво растелился белой гладью.
Так и застыл в глазах Антипа молоком,
И захотелось ему вдруг душой умыться,
Пройтись по этой белой глади босиком
И руки небу распахнуть, как крылья птица.

.....
Антип цыганский табор разглядел вдали.
«Давненько «вороватый» здесь не появлялся.
А растянулся, словно журавлиный клин.
Гляди, спешит куда-то позабыв про вялость.
А мне пора в конюшню – кони заждались,
Проведать Чалого, что приобрёл наш барин.
Арабский конь хорош, ну, вылитый артист.
Так гордо держит, шельма, шаг. Ей-ей, забавен.
А как степенно ходит под седлом!
Хозяин в нём уж года два души не чает.
И их привязанность пропитана добром,
Когда хозяина несёт, как вихрь, Чалый.
Однако что-то я замешкался, ага...».
Махнув рукой, Антип отправился обратно.

А подходя к усадьбе, хмурился слегка:
Там управляющий на всех орал невнятно.
Вся челядь в страхе виновато замерла.
Антип к Лукерье подошёл: «Чего случилось?»
Лукерья вздрогнула: «Ужасные дела!
Украли Чалого! И в гневе его милость.
А управляющий срывает зло на нас.
И на тебя, Антип, имеет зуб немалый».
«А я-то, что?»
«Да ничего. Запорет враз.
Всё свалит на тебя, пройдоха шалый.
Не уследил, а виноватым будешь ты.
Хоть конюх ты, а чую я, что будешь крайним.
Сам знаешь, что ему неведом Божий стыд.
Ты не гляди, что молодой ещё. Да ранний.
А, вот, и барин появился. Грозен лик...».
Тут управляющий Антипа заприметил,
С размаху кулачищем в нос, и снова в крик:
«Отведаешь ты у меня сегодня плети!
Цыгане увели коня, а ты где был?
Ты должен был за ним следить и днём и ночью».
Ногою гневно топнул, злобой поостыл:
«Я жизнь твою никчемную, Антип, испорчу».
Тут барин крикнул в гневе: «Всыпать сорок розг!
Искать коня! Искать сейчас же, вашу душу!»
Антипа взгляд, как дуб столетний, в землю врос
Лукерья, плавая в слезах, прильнула к мужу.

.....

Антипа высекли. В отчаянье старик
Два дня лежал пластом, хватаясь за сознание.
Вдруг за окном услышал чей-то бабий крик:
«Вернулся Чалый! Сам пришёл!» Глотнув
рыданье,
Антип, кряхтя, привстал и грузно сел за стол.
Тут в гости кум пришёл и улыбнулся горько:
«А барин наш-то щедрый, ласковый... А то!
Дал управляющему рубль. Так выпил сколько».
Антип со вздохом взял бумагу да перо,
И стал писать Царю всю правду, всё, как было.
И застонало жжёной болью всё нутро,
Глаза сверкнули от обиды гневной силой!
Антип-то, слава Богу, грамотный, поди.
В церковно-приходской учился школе.
Позвал жену отдал письмо сказал: «Иди,
Пока здесь крутится почтарь. Уедет вскоре.
Отдай ему». Жена ушла, ушёл и кум.
Антип рассматривал в окне полоску света.
И в уши рвался беспокойный детский шум:
«Видать, сорвалась в путь почтовая карета».

2

Да, понеслась карета в дальний Божий путь.
К нему Кондрат привык за двадцать лет путины.
И письма от людей давили его грудь,
Роняя Царский луч в душевные седины.

А рядышком сынок к отцу прижал свой сон –
С мальчишками взахлёб набегался, чертёнок,
Да тут же и уснул под колокольный звон,
И маму тихо звал, как может лишь ребёнок.
Но, вот, из-за берёз расправил плечи храм,
И в небе задышал свечными куполами,
И провожал их в путь, в тревоги и ветра,
Туда, где жизнь кипит привычными грехами.
И колотилась жизнь в сердечную слезу,
И колокольный звон катился светом в память,
И небо, из-за туч собрав в кулак грозу,
Бросало в душный вечер яростное пламя.
Ребёнок вздрогнул вдруг, как тот осенний лист.
Открыв глаза, зверьком таращился спросонок
Отец обнял его: «Ты что застыл? Очнись!
Ведь это гром и дождь, как тысячи иголок».
«Да нет же, пап, во сне я маму навестил.
Она сказала, что нас любит, очень любит.
Сказала и ушла, а я упал без сил.
Потом увидел храм, и в нём молились люди.
Так стало хорошо, что даже я вскочил,
И бросился за мамой, уходящей к Свету.
Да только мне в глаза ударили лучи,
И я проснулся тут, а мамы с нами нету».
Кондрат, вздохнув, сказал: «Её Господь забрал
На Небо, но она, сынок, конечно, с нами.
Ведь мысли наши с ней. Для мыслей нет преград,
Коль наша жизнь важна дорожными делами».

Егорка перебил: «А чем она важна?»
Глаза ребёнка напряглись и стали строже.
«Да потому, сынок, что почта всем нужна,
А ту, что мы везём Царю, вдвойне дороже.
В ней унижение и боль, и тяжкий труд.
Короче говоря, судьба всего народа.
Вот, и везу её с тобой на Царский суд:
Все слёзы тех, кто тянет лямку год от года.
И нет работы на Руси важнее той,
Что нам доверена однажды Государем.
И я горжусь своей дорожною судьбой.
Ведь мы, поверь мне, справедливость людям
дарим».

.....
Задумался Егорка, взглядом поостыл...
А кони рвались вскачь, ведь, вот она —
столица!
И были небеса прозрачны и чисты,
Как свет улыбок, что при виде их лучится.
Лучатся улицы, а с ними вся Москва.
И дышат купола церковным звоном лета.
И сын уже устал вопросы задавать.
Ну, вот, и замерла почтовая карета.
«Ну, что же, Царский ящик ждёт тебя, сынок.
Вот письма. А в них боль, что из России родом.
И, может быть, кому-то повезёт разок,
Пока наш Государь любим своим народом».
И сын понёс любовь отцов и матерей.

Он гордо нёс чужую боль, чужие нервы.
И очень верил, что все письма всех семей
Уже сегодня же прочтёт Царь Павел Первый.

3

Да только день у Павла был не из простых.
А письма, вот, лежат себе и ждут решенья.
«Собрался, было, прочитать, да, вишь, простыл.
Придётся доктора позвать. Ох, положенье...
Всё ж прочитаю хоть одно. Вот, например.
Красивый почерк. Ну, так, что у нас плохого?»
И стал читать. Вдруг вспыхнул:
«Как же он посмел?
Таким дай только волю, натворят такого,
Что вся Россия взвоет волком от кнута.
Ну, барин, встретимся! Коня тебе припомню.
О Боже, горло как дерёт! Как я устал.
Спокойно, Павел, что расклеился? Опомнись».
Он в колокольчик позвонил. Вошёл слуга.
«Пусть за врачом пошлют. Я жду его.
Свободен».
И, отпустив слугу, он барины ругал.
И, раздражаясь на простуду, был на взводе.
Чуть поостыв, он вновь перечитал письмо.
Вошёл слуга:
«Врач ждёт в приёмной, ваша Светлость».
«Зови его!» Своей досады скрыть не смог.

«Андрей Петрович, проходи. Вот ведь нелепость:
Я где-то горло застудил. Ну, нету сил.
Болезнь-то мне никак нельзя. Уж расстарайся.
Тебя давненько я об этом не просил.
Нетерпеливости моей не удивляйся».
«Ах, ваша Светлость, вы, смотрю, читали
письма».
«Читал одно».
«И что же?»
«Лютует дворянин!
Мужик вынослив наш, но от кнута зависим.
И я в страданиях этих купаюсь вместе с ним.
Я с юности своей впитал и в плоть, и в кровь
Боль моего народа, как собственную боль.
Я, не жалея сил, помочь ему готов
Но бьюсь молитвой в совесть, как в стену
бьются лбом.
Надеюсь, что смогу (пока не знаю, как)
Свободу людям дать и окружить заботой.
Я к свету, как к любви, мечтаю сделать шаг,
Чтоб встретить новый день, добытый Царским
потом».
Андрей Петрович взмок, унял сердечный стук:
«Я верю, Государь, что этот день настанет.
Ну, а пока нам надо вылечить недуг.
Болезнь — она как ложь: так просто не отстанет».

Болезнь прилипчива. Неделя уж прошла.
И Павел, оклемавшись, устраивал приём.
А к вечеру Москва на время ожила,
И зал в слепящем блеске был знатно наводнён.
И в этот светский шум завистливых и злых,
За свой народ бесправный болея всей душой,
Царь самолично пожелал: в числе других,
Чтоб злополучный барин был тоже приглашён.
Приём в разгаре. Павел мысли теревит.
Заметив барина, подумал: «Быть посему».
Задумчиво обжог его цветущий вид
Недобрым взглядом. Не пожелаешь никому,
Уже попав на столь блистательный приём,
Вкусить такое предисловие к позору.
Вниманием Царя был барин удивлён,
Не подготовленный к такому разговору.
А Павел, подойдя к нему, спросил:
«Ну, как?
Здорова ли семья, здоровы ли крестьяне?»
Опешил барин тут, и к Павлу сделал шаг:
«Здорова и семья, здоровы и миряне».
«Здоровы, говоришь? — и Павел вырвал вздох, —
Скажи-ка мне, милейший, что твой конь
арабский?
Не приболел ли?»
«Государь, помилуй Бог!

Ему хватает и внимания и ласки».
Вновь Павел вырвал вздох и ласково спросил:
«А как Антип? Здоров? Семья не голодает?
Ведь он мне написал, что свет ему не мил
От розг, что ни за что отведал в барском рае.
Так, вот, о чём тебя я очень попрошу:
Ты на себя возьми семейные растраты.
А будешь лютовать, так по миру пуцу,
И волею своей швырну тебя в солдаты».
Он отошёл к колонне, и вытер пот платком.
На светский зал смотрел, как в грешность,
не мигая.
А грудь давила боль дворянским каблуком.
И он в сердцах вспылil:
«Да что ж за жизнь такая!
Ну, как мне уберечь Россию от кнута?
Один лишь выход есть: дать мужику свободу,
Чтоб жизнь своей страны по-новому листать
И с чистой совестью смотреть в глаза народу».
.....
Москва, вздохнув рассвет под гроздьями росы,
Туманной пеленой дышала в зелень лета.
И, поднимая пыль дорожной полосы,
Спешила в Царский век почтовая карета.
Туда, где тишиной привыкли дорожить
И Родину любить мужицкими руками,
Туда, где всей душой Антип торопит жизнь
За здравие Царя поставить свечку в храме.

И по Руси забили вдруг колокола,
Как бьётся в жизнь любовь Творца от
сотворенья.
И вера Царская сквозь время пролегла
Крестьянской совестью народного терпенья.

СОДЕРЖАНИЕ:

Новое слово в «Царской» поэзии 2

Царь живёт в соборной душе народа

Начало.....	5
Цена греха	6
Царский поэт.....	8
Дорога любви.....	10
Глаза света.....	12
Ворота в жизнь	14
Рублёвая пауза	16
Покрова Пресвятой Богородицы	18
Дворики страны	20
В сегодня, как в любовь.....	22
Петровский переулочек	24
Небесная страда.....	26
Под Божьей опекой	28
Маки Ладоги	30
Дыхание России.....	32
Полёт в грядущее.....	34
Ордынка.....	35
Окна судеб.....	37
Александровский сад	39
Русская вера	41
Слеза веков.....	43
Проспект художника.....	45

Осень греха	47
Божий крест	48
Лицом к небу.....	49
Тишина вечности.....	50
Колокола Царской памяти.....	51
Поэзия русского слова	52
Престол русской души.....	53
Браслет веры	54
Христовый дух.....	55
Глубина души	56
Молитва памяти.....	57
Краски жизни	58
Две улицы.....	59
Хрупкость.....	60
Звон честности.....	61
Камин надежды.....	62
Шаг мира	63
Только вера	64
Человек	65
Русский дух.....	66
Молчание надежды	67
Прохожий	68
Широты	69
Свет мужества.....	70
Журавлиная песня	71
Караван ветра.....	72
Радость детства.....	73
Русская душа.....	74

Утро России	75
Подснежник	76
Орёл жизни.....	77
Ветки надежд	78
Тепло поэзии	79
Два лебедя	80
Автобус чувств	81
Ветра любви	82
Трубы времени.....	83
Песня длиною в жизнь.....	84
Строки любви	85
Сквозь время	86
Время памяти	87
Капля Родины	88
Бег надежды	89
Цветы России	90
Обида	91
Царские колокола	92

А как же без Царя?

Монаршья честь.....	94
Народная награда	96
Солдат и поэт	97
Необузданная тройка	100
Царская улыбка.....	102
Весы	104
Первый шаг	106

Перекрёстки судьбы.....	108
Эхо революций	110
Жизнь как жизнь.....	112
Глубинка.....	114
А как же без Царя?	116
Царская ода	117
Зимняя ржавчина	119
Офицерская честь	120
ВДНХ.....	122
Слепой перед иконой	123
Что по чём	125
Шаг мудрости	127
Вера отцов	129
Коломенское чудо	130
Забытая книга	132
Сердца Царицынского парка.....	134
Корона Российской империи	136
Московский Спас	138
Листва женщины	140
Отпечаток совести.....	142
Царский рубль	144
Подкидыш	146
Холод надежд.....	148
Этюд в красных тонах.....	150
Застольная откровенность	152
Венчание.....	154
Столица мира	156
Алёшкин сон	158

Полк Победы.....	160
Пыль военных дорог	163
Заруби себе на носу.....	165
Царская звезда	167
Андрейкино детство.....	168
Дорога души.....	170
Ниточки земли	172
Хруст любви.....	173
Подсолнух правды.....	174
Сиротское сито	176
Колыбель любви.....	178
Солдаты ревности.....	180
Трава надежды.....	182
А всё-таки живой!	184
Рубаха греха	186
Парни русские.....	188
Твердь земли	190
Воздух совести.....	193

Русь блаженная

Болото жизни	196
Русь блаженная	197
Блуд и стыд	198
Сладость зачатия	200
Гладь прощения	201
На Большом Каретном	203
Патриаршие пруды.....	205

Дуга	207
От плоти плоть.....	208
Две дороги	209
Невод	211
Поцелуй	213
Первый шаг	214
С нуля	216
Турник	218
Царский ветер	219
Журавлиный приют.....	221
Прощание с селом	223
Бурьян	225
Мельник (мини-поэма)	227

Царь Павел Первый

Строчки совести	236
В единстве с Царём	237
Два журавля	238
Два мученика Царского Орла	239
Душа доверия.....	240
Народный Царь – Павел Первый.....	241
Российская Звезда.....	242
Символ Царской чистоты	243
Царский Бессмертный Полк.....	244
Царское Христово Воскресение	245
Царь-предтеча	246
Шаг Царской Армии	247

Земля надежд	248
Прихожая России	249
Встреча	251
Два русских колоска	253
Дух царской любви	253
Павел Первый и мальчишка	257
Колечко для Павла Первого	260
Павел Первый и денщик	266
Правда Павла Первого	268
Письмо (поэма)	271

Николай Михайлович Косых

Царские колокола

Редактор: Гревцев И.Д.

Дизайн обложки: Епихин М.Н.

Отпечатано в типографии «Принт-формула»
г. Москва
500 экз.